

ЕЛЕНА СЛАВНАЯ

ИСПИТАНИЕ

16+

Елена Славная

Испытание

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39470386

SelfPub; 2019

Аннотация

Хиония жаждет стать успешным зельеваром, и у неё всё для этого есть. Пока в один момент судьба не подкидывает новые испытания: похищение, исключение из академии, предательство жениха. Совершенно неожиданно Хиония получает поддержку в лице великого мастера Нормана Раука – закрытого и порой беспощадного мужчины. Возможно, именно он её единственная надежда на исполнение заветной мечты.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	7
Глава 2	42
Глава 3	75
Глава 4	109
Конец ознакомительного фрагмента.	142

Пролог

Он проснулся поздно ночью от громких голосов, что случилось не в первый раз. Няня, поняв что-то раньше мальчика, тут же запела тихую песенку и неплотно прикрыла ему уши. Но он все равно слышал фразы, доносимые из-за дверей.

– Подумай о сыне! – кричал его отец.

– Ему уже восемь, – отвечала мать, – и он не нуждается в моей юбке.

– Ребёнок всегда нуждается в матери, – возражал отец.

– Я его выносила, родила, подобрала лучших кормилицу и воспитателей. Терпела тебя все эти годы, в конце концов!

Раздался звук пощёчины. Мальчик уже знал его. Однажды, когда няни не было рядом, он подсмотрел ссору родителей.

– Дрянь! Какая же ты дрянь! – голос отца был еле уловим.

– Слабак! – ответила мать, а затем мальчик услышал удаляющиеся шаги.

Он не понимал, почему родители так часто ругались. Но осознавал, что мама плохая и не любит его. А ещё чувствовал себя виноватым, хотя очень старался быть хорошим. И сейчас пытался не плакать, ведь он уже взрослый, а взрослые не разводят сырость. Главное, чтобы няня не заметила слёз, ведь тогда она расскажет о них родителям. А те расстроятся

и снова повздорят.

Когда открылась дверь, явив силуэт отца, оба, и няня, и мальчик, вздрогнули.

– Проснулся? – шёпотом спросил родитель.

– Да, господин, – так же тихо ответила няня.

– Идите, Марта, я сам побуду с ним.

Женщина пригладила волосы мальчика и со вздохом встала с постели. Её место тут же занял отец. Когда няня ушла, мужчина, зная, что сын не спит, откинул край одеяла и взял ребёнка на руки.

– Не стесняйся слёз, – проговорил в его макушку. – Ты ещё можешь позволить их, хоть они и напрасны.

Мальчик, впервые набравшись смелости, поднял заплаканное лицо на отца и со всхлипом спросил:

– Вы из-за меня ругаетесь? Я вёл себя плохо?

– Ну что ты? – отозвался отец с лаской в голосе. – Ты ни в чём не виноват.

– Но тогда почему? – не понимал мальчик.

– Когда-нибудь я тебе все объясню, – вздохнул мужчина. – Сейчас ты можешь не понять.

– Но я уже взрослый! – обиженно возмутился ребёнок.

Отец сильнее прижал его к себе.

– Любовь – это всегда испытание, сынок, – с горечью прошептал мужчина. – И хорошо, если ты сможешь это понять до того, как отдашь своё сердце.

Мальчик, действительно, ничего не понял. Но важно кив-

нул, обещая себе обязательно подумать над словами родителя.

– Я никому не отдам своё сердце, – пообещал он отцу, – пока испытание не закончится.

Мужчина усмехнулся, не ответив. Вернул сына в постель, но не ушёл. Мальчик хотел задать много-много вопросов, однако пока думал, что спросить первым, уснул. А его отец ещё долго сидел и смотрел на спящего сына.

Через несколько дней, после очередной ссоры, мать мальчика ушла из дома и больше не вернулась. Она даже не попрощалась с сыном. И тогда он понял, что испытание в его жизни уже началось. Ведь он любил маму, а она просто ушла. Отец запил, и так продолжалось несколько месяцев. Никто, кроме Марты, не заботился о ребёнке.

Но и она вскоре исчезла.

Когда отец вышел из запоя, он больше не уделял сыну столько внимания, как раньше. Мужчина стал чёрствым, ослабленным долгой болезнью, названия которой сын не знал.

«Любовь – это всегда испытание» – помнил мальчик, хотя до сих пор не понимал смысла фразы. Но она помогала ему не плакать, когда становилось особенно тоскливо.

Глава 1

Капли, что разбивались о каменный пол, уже раздражали. Каждый удар отдавался эхом в голове. Поначалу я их считала. Думала, так сумею сократить своё ожидание. Но никто не приходил ко мне. Как долго я была в заточении, не бралась даже предполагать. Но истерики давно прошли, оставив за собой сорванный голос, разбитые костяшки и полное опустошение в душе. Зачем меня похитили? И почему никто не приходил? Я не знала этого. Могла лишь догадываться. Когда засыпала, мне приносили еду и воду, а также зажигали потухшие свечи. И как ни пыталась застать посетителя, у меня это не выходило. Оставалось лишь ждать.

Да что ещё делать в закрытой подвальной камере? Кричать? Пытаться выбраться? Все это уже опробовано, и не единожды. Когда отчаянье и злость со свежей силой поднимались во мне, я вновь билась в эту проклятую дверь. Но все было тщетно.

Мои глаза устали от слёз. Они высохли настолько, что казалось, будто в них насыпали песок. Голова была тяжёлой, а каждое движение отдавало болью в ней. И если сначала падающие капли отвлекали, то потом они стали новым поводом для мучений.

Внезапно различила то, чего уже и не надеялась услышать. Шаги. И судя по всему, они приближались. И, казалось бы,

надо было радоваться – тому, что, наконец-то, узнаю, зачем меня тут держат – но я растерялась. Как встречать похитителя? Какой бы он хотел меня видеть? Ведь, если не оправдать его ожиданий, моё заточение может продлиться на неопределённый срок.

Удивительно, с такой больной головой я ещё могла размышлять.

Возле двери звук шагов затих. Вот сейчас похититель войдёт... и? Мне броситься на него, как того хотело все моё нутро? Или забиться в страхе, как, должно быть, повела бы себя любая другая жертва? Но я не любая. У меня был козырь. Осталось лишь применить его верно.

Спрятала свои эмоции глубоко-глубоко. Хорошо, что в мой курс обучения входила подобная подготовка. Не к похищениям конкретно, но и к ним в том числе. Зельевар – это далеко не безобидная и безопасная профессия. Яды, паралитические средства, привороты, отвороты – лишь малая часть того, что он мог сварить, а преступники потребовать от него. И потому нас в академии готовили к ситуациям, когда злодеи применяли грязные методы для достижения своих целей: шантаж, угрозы, похищения.

В первое время даже была мысль, что мне устроили проверку вместо выпускного экзамена, но она слишком невероятна для правды. Находился только один вариант: от меня требовалось какое-то зелье. Больше причин своего похищения и плена просто не находила.

Оставался лишь вопрос: почему именно я? Да, студентка выпускного курса, но среди лучших не числилась, впрочем, среди худших тоже. Намного проще и логичнее для преступников было бы взять уже получившего диплом стажёра, у него хоть уровень знаний известен. Или как бы эгоистично это ни звучало, выбрать из тех, кто слыл талантливым студентом. Меня отличало ото всех только то, что я единственная девушка-зельевар в академии.

В замочной скважине провернулся ключ. А я так и не выбрала правильную роль. И была ли она – правильная. Села на лавку, что все это время заменяла мне постель. Дверь медленно, со скрипом, раскрылась, явив мне мужской силуэт.

Неспешным уверенным шагом похититель вошёл в камеру. Небрежно махнув рукой, он, не прикасаясь, закрыл дверь. Маг – стало понятно сразу. От громкого удара о косяк я невольно вздрогнула.

Мужчина, казалось, и не ко мне пришёл. Не боясь, повернулся спиной и стал зажигать потухшие свечи. Какой шанс! Но я вовремя остановила свой порыв. Если напасть тогда, когда он этого ожидал, то неизвестно, представится ли ещё такая возможность. Похититель хмыкнул, и я поняла, что была права – он предполагал этот неосмотрительный шаг от меня. Значит, и готов к нему был.

Когда все свечи оказались зажжёнными, мужчина обернулся ко мне. Я старалась рассмотреть его детально, чтобы потом предоставить стражам полным портрет. Высокая, ху-

дошавая фигура. Узкий подбородок, плотно сжатые тонкие губы, нос без горбинок, острые скулы, немного суженный миндалевидный разрез глаз, прямые брови – все это я смогла рассмотреть и запомнить в считанные мгновения. Вихрь белых, почти снежного цвета, волос заканчивал образ похитителя. Хотя его скорее можно было принять за прожжённого повесу, чем за преступника. Но на занятиях нас, зельеваров, предупреждали, что внешность часто обманчива в восприятии окружающих. И я не забывала об этом.

– Рад, что ты благоразумна, – тихим низким голосом произнёс он.

Такой тон развеял всю мою собранность.

Знания, полученные в академии, словно испарились. Я не помнила, как надо отвечать, и не знала, что ответить. Просто сидела и смотрела на него исподлобья.

– Ты хочешь выйти отсюда, Хиония? – спросил, делая шаг ко мне.

Постаралась не показывать своего удивления. Конечно, он знал имя той, кого похитил. А значит, и имел определённые планы на меня. Скажет ли сразу? Или будет ещё мучить заточением.

– Хочешь, – ответил сам.

Я не двигалась, выжидала подходящий момент. Ведь был только один шанс сделать всё верно.

Мужчина подошёл ко мне вплотную. Ему хочется чувствовать своё преимущество? Пусть. Задрала голову и смот-

рела на него снизу вверх. По правилам ли это, я уже не придавала значения.

Он положил свою тонкую ладонь на мою щёку. Большим пальцем провёл по губам. Невольно вздрогнула. Такого я не ожидала.

– Ты очень красивая, Хиония, – так же, не повышая голоса, проговорил он.

А я оцепенела. Понимала, к чему все вело. И моё образование тут было совсем ни при чём. Или, наоборот?

Он убрал руку и отступил на шаг. Я продолжала смотреть на него, боясь даже взглядом выдать то, что не совсем беззащитна.

Браслет, который находился на моем запястье, имел свой секрет. Как же вовремя Демис, мой сокурсник, подарил его. Я не хотела принимать, потому что Грегори, мой жених, мог неправильно понять этот поступок.

Но Демис убедил, что никто не обратит внимания на такую безделушку. А лучше, вообще, никому о ней не распространяться. Знал ли он о грозящей мне беде или просто решил уберечь от случая? Это уже не имело значения.

Воспоминания о друге и женихе отозвались во мне горечью и подступившими слезами, хотя я думала, что их уже не осталось.

– О, не стоит слёз, – притворно-заботливым голосом произнёс похититель, по-своему истолковав моё состояние.

– Чего вы хотите? – дрожащим хриплым голосом спроси-

ла его.

Мужчина сложил руки на груди и, наклонив голову набок, разглядывал меня. Мне очень хотелось посмотреть на своё правое запястье, проверить, на месте ли браслет, но я не позволяла себе этого. Один неловкий взгляд – и уже ничто не спасёт.

– Сотрудничества, – наконец, ответил он. – Взаимовыгодного и, надеюсь, взаимоприятного.

– Я не понимаю вас.

– Ох, уж эти игры в невинность, – он покачал головой. – Все просто: ты становишься моей и исполняешь все мои прихоти, а когда я останусь доволен – ты свободна.

В неверии мотнула головой, отчего боль с новой силой сдавила её. В глазах потемнело.

– Не стоит изображать обморок, – донёсся раздражённый голос. – Подумай, а я вернусь позже.

С этими словами он вышел, не забыв запереть за собой дверь.

Некоторое время сидела и наблюдала за колыханием огоньков на зажжённых свечах. Потом улеглась на лавку, обхватив голову.

Неужели придётся нарушить правила, по которым я жила все эти годы? Ведь обещала же, что никогда, даже в предсмертном состоянии, не опущусь до такого. И всегда была уверена в непоколебимости этого слова.

Непрощенные воспоминания тут же лавиной накатили на

меня.

Я выросла в деревне, постепенно разросшуюся в маленький посёлок, но сохранявшую старые устои. В Криево, названного в честь речки, на которой он стоял, время текло со своей скоростью. Этому способствовали и большое расстояние от крупных населённых пунктов, и плохие дороги в округе, но более всего изоляция исходила от старшего поколения, которому совсем не нравилось то, как менялся мир. Но обо всем я узнала значительно позже, когда покинула родные края.

А тогда жила в самой обычной семье и не подозревала, да что там, даже не задумывалась, настолько современно общество в посёлке или отстало. У родителей я была шестым ребёнком. С пятым, моей сестрой, разница в возрасте составляла всего одиннадцать месяцев. Естественно, столь скорые роды подкосили здоровье матери. И потому я считалась нежеланной и не оправдывающей своё существование. Слишком хрупка и болезненна. Беспольна в доме и хозяйстве. Ненужная никому. Разве только для того, чтобы сделать меня крайней в любой неудаче, даже если я и рядом не стояла.

Постепенно привыкла везде оставаться виноватой. Нет, не считала себя таковой, просто смирилась с обвинениями, руганью и наказаниями. Бессмысленно спорить, когда никто никогда не заступался за меня. Разве что, это сильнее злило

родителей, и я уже не отделялась бранью, а получала удары кнутом.

В мою пятнадцатую зиму по посёлку прошла хворь. Она не щадила никого. Но даже тогда старейшины не обращались за помощью к магам, оправдывая своё решение от обычного предубеждения к ним до заметённых дорог.

В каждом доме готовились отвары, составленные из всего, что было под рукой. Местной знахарке после первых смертей не верил никто.

Меня не подпускали к этому делу. Казалось, что и вообще перестали замечать. Даже удивительно, как только и в появлении хвори не выставили виноватой.

Самый старший брат вместе с семьёй жил недалеко от нас. У него было трое детей. Младший, совсем кроха, только недавно родился, в столь неудачную зиму.

Однажды матушка, наготовив отвара, отправила нас с сестрой разнести его братьям. Меня к самому старшему. Время было уже вечернее, мела вьюга, а ветер сбивал с ног.

Застряв в одном из сугробов, я упала. Бутыль, в которую был налит отвар, находился за пазухой. Каким-то неведомым образом я сумела раздавить его своим весом. Тогда же, наверное, впервые испытала отчаянье. Ведь, как и все, верила, что это средство окажется верным, сможет излечить.

Хотелось плакать и выть. Я не боялась наказания – жизни заболевших детей были важнее. Не придумав ничего лучшего, явилась к брату и обманула его, сказав, что мать поручила

сварить отвар самой. Я видела, как она его готовила, верила – и сама с этим справлюсь. Брат с недоверием посмотрел на меня, но под плач своей жены согласился допустить к печи.

Побоявшись раскрытия обмана, даже не пыталась извлечь из тела осколки, от которых не смогла избавиться в темноте, хоть они и больно впились в меня.

А потом, начав готовить отвар, забыла буквально обо всём. Мне казалось, что сами травы шепчут, которую из них взять и когда бросать в воду. В бульканье я слышала голос, подсказывающий, в какую сторону помешивать и сколько раз. Запнулась только единожды, не сумев найти у печи то, что требовалось – обычный мёд.

Брат на мою просьбу откликнулся сразу, но подозрения во взгляде не скрывал. Он что-то спросил, но я уже не улавливала посторонних звуков, полностью погрузившись в приготовление зелья. Да, это был уже не просто отвар, а зелье, что обязательно вылечит. Я чувствовала, знала это.

Закончила поздно вечером. Старшие дети уже спали. Я настаивала, чтобы брат с женой разбудили их, но меня никто не послушал. Если бы только знала, какие будут последствия, то непременно настояла бы на своём, а не поддалась усталости, навалившейся на меня. Но я не знала.

Утром старшая дочь брата умерла. Сына он успел напоить, а её нет. К слову, сам он, его жена и младшая дочь избавились от хвори.

Конечно, мой обман был раскрыт. А раны, что остались на

животе и груди только подтверждали его. И в смерти ребёнка осталась виноватой только я. Возможно, они понимали, что это не так, но их злость требовала выхода.

В одной рубашке меня вытянули на улицу прямо за расчёпанные волосы. Босиком, спотыкаясь, я брела за отцом до самого центра посёлка. Брат шёл рядом с ним, держа в руках кнут. А люди, все, кто видел нас, бросали свои дела и направлялись следом. Зрелища, особенно когда кто-то страдал, всегда собирали зрителей. Я пыталась вразумить родных, кричала, что зелье помогло, и они сами виноваты в смерти своего ребёнка. Но кто станет слушать ту, которая с рождения считалась ошибкой.

Как меня привязывали к столбу, уже не чувствовала – тело онемело от холода. И снова не боялась за себя. Не страшилась даже смерти. Плевала на унижение.

Удары сыпались один за другим, я потеряла счёт. Сначала, после первого удара, кричала, а затем могла лишь шептать: – Я могу помочь...

После очередного свиста не произошло удара. Но мне было уже все равно. Гул голосов за спиной убаюкивал, а мороз, стягивающий кожу на ранах, был почти приятным.

Проснулась я тогда в доме у знахарки. О недавних событиях ничего не напоминало. Казалось, что даже чувствовать себя стала намного лучше.

Так и было. Мои спасители – их было трое – случайно попавшие в Криево студенты последнего курса магической

академии. Целители, Клеон и Катерина – брат с сестрой, и Леандр. Они первые, кто заступился за меня. И я с полным доверием рассказала им все.

Тогда мы договорились, что они помогут мне добраться до академии в конце весны.

Прибывший руководитель целителей подтвердил перед старейшинами, что я обладаю магией и могу варить простые зелья, в том числе и от той хвори, которая ходила по посёлку. Самых тяжёлых вылечили маги, но они тратили на это много сил. И потому я сразу же взялась за дело.

Мне нравилось готовить зелья. Я словно очнулась от долгого сна, нашла себя, своё предназначение. Когда все жители избавились от хвори, к дому знахарки, у которой я все это время жила, пришли мои родители. Увидев их, я испытала боль и страх. Понимание, что ко мне их отношение не изменилось, и все останется по-прежнему, тоской отзывалось где-то внутри. Но заступников не было рядом, а старейшины решили – дочь должна жить в семье.

Мне пришлось вернуться в отчий дом.

Поначалу со мной общались более ласково, чем раньше. Но потом, когда я неосмотрительно заикнулась про обучение в академии, всё стало только хуже. Меня заподозрили в потере девичества, мне приписывали все немыслимые деяния, вновь начались побои, не кнутом, но ежедневно, всем, что попадалось под руки.

А в конце зимы приняли решение выдать меня замуж. За

первого, кто предложит.

Выгода от того, что я могла варить зелья, перевешивала все остальные недостатки, выявленные семьёй. Ко всему прочему, при всём отношении родственников и частом недо-едании, я обзавелась формами. Небольшими, но при моей общей хрупкости многого и не нужно. Все вкупе сделало из меня желанную невесту, так что родители ещё смогли по-торговаться. И остановили свой выбор на Агарпите. Он был старше меня на двенадцать лет, имел высокий рост и огромный живот, который не давал ему нормально дышать. В целом своими габаритами превышал мои раза в два с половиной. Но Агарпит держал большое хозяйство и не имел родни, претендующей на него, что и склонило родителей в пользу такого выбора. Естественно, меня ни разу ни о чём не спросили.

Свадьбу наметили на время, как только сойдёт снег. Никто и никогда в это время не женился, даже тут вышло не так, как у всех. Скорее всего, боялись, что я сбегу. А ведь, как ни крути, свой зельевар в посёлке, пусть не обученный, но и не испорченный запосёлочной жизнью, намного предпочтительней, нежели если бы его не было.

Украдкой я лила слёзы в подушку. А если кто и замечал заплаканные глаза, то непременно давал мне подзатыльник.

Мои мечты сводились к одному – чтобы зима никогда не кончалась.

Раз в несколько дней в наш дом приходил Агарпит, «зна-

комиться и приучать к себе». Я ненавидела эти вечера. Но моё мнение по-прежнему никто не учитывал. И если сначала мы всеми собирались за столом, то потом посиделки всё больше затягивались, а мне запрещалось идти спать, пока гость находился в доме.

В первую оттепель во всём посёлке устроили праздник. Меня на гулянья никто не звал, да и сама бы не пошла. Уж кто, а я не чувствовала торжества, ведь скоро моя жизнь окончательно разрушится.

Стук входной двери оказался неожиданным, ещё слишком рано для возвращения домой. Не подозревая о неприятностях, я вышла из закутка, где часто проводила время, стараясь остаться незамеченной. И сразу же пожалела об этом. Пришёл Агарпит.

И если сначала он вызвал привычное раздражение, то потом, когда я поняла причину его визита, испытала ужас.

– Ну, что, невестушка, познакомимся поближе? – хмельным голосом спросил он и улыбнулся, показывая почти полностью потемневшие зубы.

– Не надо, – сдавленно, шёпотом ответила ему.

Но моё слово ничего не значило.

Пошатываясь, он разулся и скинул верхнюю одежду, а я стояла, не зная, что мне делать. Оказавшись возле меня, Агарпит прижал к стене и обдал смрадным дыханием. Мне только и оставалось, что беззвучно лить слезы и трястись от страха.

Нависая, он больно сжал мою грудь. Я вскрикнула.

– Кричи, крики громче, – приговаривал, второй рукой ошупывая тело.

А я просто закрыла глаза, понимая, что никто не придёт на помощь. У всех праздник. И ни один из них не вспомнит обо мне. Люди жестоки – они забывают добро.

Не сопротивлялась и тогда, когда Агарпит разорвал на мне платье, не сумев его стянуть. Радовало, что он не тянулся ко мне губами. Почему-то казалось, что так будет легче все перенести.

На мгновение он замер, а потом я услышала глухой стук, вместе с которым его руки покинули моё тело. Открыв глаза, увидела самого старшего брата с поленом в руке, Агарпит лежал у его ног.

– Быстро – собралась! – скомандовал он.

Я привыкла к приказам. Поэтому без вопросов кинулась одеваться, на ходу стягивая лохмотья платья. Помощь брата неожиданна, но своевременна. Догадывалась, что он сделал это не просто так. И это было не важно ни тогда, ни потом.

– С собой собери вещей, – прошёл он за мной. – И поскорее!

– Каких? – растерянно спросила его.

– Одежду на смену, еды в дорогу, а денег я дам.

Выполнила указание и лишь потом спросила:

– Куда?

– Пойдём, – поторопил он меня, – в дороге все объясню.

Наверное, он боялся, что Агарпит очнётся и увидит, кто его ударил. Да и неожиданное возвращение родителей и сестёр нельзя было исключать.

Выйдя на улицу, брат осмотрелся, а затем велел следовать за ним и не отставать. Он шёл по закоулкам, в которых я раньше никогда не бывала. Примерно сориентировалась уже на окраине посёлка. Потом наш путь лежал по её периметру, мы преодолели где-то четверть.

Я молчала, боясь привлечь внимание тех, кто мог не пойти в центр, на праздник. Да и брата раздражать опасалась. Он вполне мог и передумать помогать.

Пройдя границу посёлка, брат заговорил:

– Я выведу тебя до ближайшей деревни, там уже договорился, завтра отправитесь в город, в Алихор, – пояснил он. – Оттуда с обозом доберётесь до Фира. Фир – большой город, в нём есть магические переходы, ими и воспользуешься, чтобы попасть в Эльпиду.

– Эльпиду? – я даже остановилась от удивления.

Эльпида – столица нашего государства. От посёлка до неё где-то месяц пути, если не использовать диковинные для Криево магические переходы. Даже удивительно, что брат о них знал.

– Да. Поспешу, – раздражался брат. – Я дам тебе достаточно денег, никому не показывай их и не трать зря. Ты обязана, – сделал упор на этом слове, – добраться до Эльпиды.

Мы перешли небольшой лесок, за которым оказалась по-

возка с лошастью. Больше брат ничего не говорил, а я боялась задавать вопросы. Или просто не могла поверить в происходящее со мной. Слишком неожиданно и неправдоподобно.

– Не заводи знакомств, – не оборачиваясь ко мне, продолжал он напутствия. – Если спросят, с кем ты, всегда говори, что с отцом и братьями, которые вот-вот подойдут.

Я кивала, хотя брат этого и не мог увидеть.

– Семью свою забудь, выдумай новую, не связанную с Криево, – будто нехотя, сказал он, – забудь наши имена и даже в мыслях не упоминай их.

Вновь замолчал. Не сказал ни слова за несколько часов пути. Я успела задремать. Глубокой ночью мы почти доехали до деревни, какой именно – даже не спрашивала. Нас ждали, повозка стояла чуть в стороне от населённого пункта. Но прежде чем проводить до неё, брат отдал мне еду и деньги.

– И последнее, – серьёзно сказал он, – у тебя есть магия. Я не разбираюсь в этом, просто знаю, что умения полезны. Поздно, конечно, но спасибо за детей и жену – только поэтому и помогаю. Но видеть тебя не могу.

Он замолчал. Отчасти я его понимала.

– Никогда, слышишь, никогда не пользуйся телом для заработка! – взяв за плечи, почти прокричал он. – Лучше сдохни, но шлюхой не становись! Я не для того тебя вызволял! Поняла?

– Да, поняла, – пискнула в ответ.

– Я серьёзно, Хиония, – чуть сильнее сжав плечи, настаивал.

вал он, – не смей становиться шлюхой. Иначе найду и убью собственными руками.

Ни на мгновение не засомневалась в его словах. Это были непустые угрозы.

– Поступи в магическую академию, ты сможешь. Но замуж выходи только после окончания, не раньше. И надейся только на себя. В Криево не пиши и не вздумай возвращаться. Назад пути нет. Все поняла?

– Да, – кивнула, стараясь сдерживать слезы.

С тех пор прошло шесть лет.

Тогда я выполнила все распоряжения брата. Действовал он из благодарности, жалости или любви – старалась даже не гадать. Просил забыть, так и поступила. Но в плену, со всей этой ситуацией, воспоминания снова и снова возвращали меня в прошлое. Наверное, я устала быть уверенной в себе и предполагала худший исход – смерть.

Первый год в Эльпиде мне дался очень тяжело. Все слишком другое, чужое и я – одна. Потом становилось легче.

Два года назад я встретила Грегори. Мы с Исминой, моей лучшей и единственной подругой, гуляли по набережной, когда к нам пристали двое сержантов. Возможно, знакомство и не состоялось бы, но помог случай.

Воришка украл мою сумочку, ловко выхватив её из руки. Сержанты бросились за ним. Я и не надеялась на возврат, сама виновата – в Эльпиде зевать нельзя.

Но чуть позже Грегори, как представился один из военных, вернул мне её, и что удивительно, содержимое осталось целым. За услугу он потребовал свидание. Я согласилась прогуляться с ним в следующий выходной. Для себя тогда решила, что только одной встречей все и обойдётся.

Но незаметно наши свидания повторялись вновь и вновь. Не знаю, каким образом, но Грегори всегда получал согласие на следующее. Наверное, я слишком неопытна в этих делах. Хотя, проучившись несколько лет на курсе, где являлась единственной девушкой, уже поднаторела в отказах.

Постепенно дошло до того, что я уже сама ждала выходной. Жаждала встречи с Грегори, и одновременно стыдилась этого. А как только мы встречались, все раздумья уходили прочь. Несомненно, он был красив. Высокий, статный, с волосами коричневого оттенка, вечно спадающими на широкий низкий лоб, с забавными, придающими некую умильность, бровями-домиками, с синими глазами, что всегда светились весельем, немного курносый, с открытой улыбкой чётко очерченных губ, с широким квадратным подбородком – Грегори привлекал внимание практически всех девушек. Или же это мне казалось, что все смотрели на него.

Через несколько месяцев я поняла, что влюбилась. Испугавшись своих чувств, прекратила наши встречи, просто не выходя за территорию академии, куда посторонним вход был воспрещён. За три месяца я успокоилась, как мне казалось. А потом Исмина принесла послание от Грегори. Хоте-

ла сжечь, не читая, но подруга уговорила открыть.

Он просил о встрече. Писал, что никак не мог меня забыть, очарован моей красотой. Читать такое было приятно, особенно от Грегори. Хотя просто невозможно поверить в то, что я – маленькая и хрупкая, с копной тёмных, вечно выгорающих на солнце, волос, с треугольным лицом, которому большие карие глаза придавали наивно-детское выражение, а полные, чуть выпуклые, губы вкупе с маленьким носом только усиливали это впечатление – сумела покорить такого красавца.

Исмина во многом превосходила меня. Нельзя сказать, что мы противоположны, скорее, отличные друг от друга. Подругу можно было бы назвать хрупкой, но в сравнении со мной она таковой не являлась. И, если меня всегда внешне оценивали на пять лет младше, то она выглядела на свои годы.

Блондинка карамельного оттенка, Исмина имела лишь один недостаток, который, впрочем, с успехом скрывала – это светлые брови и ресницы. На мой же взгляд, у неё были очень красивые глаза, что своим невероятным зелёным цветом буквально приковывали внимание, и никто уже не смотрел, какое там обрамление. Но подруга упорно применяла все новые способы и средства окраски.

Иногда её зацикленное отношение к собственной внешности меня раздражало. Ведь это не было простым желанием хорошо выглядеть. Она оценивала себя, как товар, и иска-

ла самого выгодного для своих целей покупателя. Возможно, во мне говорили вбитые братом слова, но даже выгодное замужество я воспринимала как продажу себя. Конечно, это определение слишком грубое. Однажды, когда я так выразилась при ней, подруга несколько дней со мной не разговаривала. Но мы жили в одной комнате, и долго молчание продолжаться не могло. А расселиться не было возможности. Никто не хотел меняться с Исминой комнатой, меня же и так приютили в порядке исключения – общежитие зельеваров давным-давно стало чисто мужским.

Только договорившись больше никогда не обсуждать эту тему, мы, наконец-то, пришли к миру.

Но с этой запиской она вновь всплыла. Я не стала отвечать Грегори, а его послание сожгла после прочтения. Исмина накинулась на меня с оскорблениями, какая я идиотка и упускаю такую выгодную партию. Оказывается, она успела уже собрать информацию о Грегори и узнать, что его отец генерал эльпидской армии и, скорее всего, сын пойдёт по стопам родителя. Далее шло перечисление всех достоинств молодого сержанта, но я уже не слушала. У меня была цель – закончить учёбу, а не находить мужа.

Тем более между нами с Грегори, кроме моих чувств и его симпатии, не было ничего, что позволяло бы мечтать о скором замужестве. Но Исмине я даже не пыталась этого объяснить, давно поняла, насколько различны наши взгляды на жизнь.

Уйдя с головой в учёбу, я старалась не думать о Грегори. Но постоянные послания, приносимые подругой, не давали забыть о нём. А к просьбам прекратить выполнять роль почтальона Исмина была глуха. И это отдаляло нас друг от друга.

Нагрузка по учёбе росла, я всё больше проводила времени со своими сокурсниками. Демис, который с самого начала взял надо мной шефство, редко оставлял без своей компании. С его стороны никогда не было чего-то большего, чем дружба. Скорее, он заменил мне всех братьев, показав, что такое искренняя забота. Сам же Демис говорил, что всегда мечтал о мелкой сестрёнке, а я сильно подходила под его представления о ней. Многие пророчили нам дальнейший брак, но мы лишь смеялись над этим предположением.

Сокурсник и вытянул меня на прогулку по набережной, заметив, что в очередной выходной я осталась на территории академии. Как бы ни были теплы наши отношения, рассказать ему о своей глупой влюблённости и попытках убежать от неё не могла, и потому согласилась, уповая на удачу.

Последняя от меня отвернулась, или наоборот, но я встретила Грегори. Что-то весело обсуждая, он шёл в компании своего сослуживца и Исмины, которая с видом королевы держала обоих под локти. До этого дня я даже не задумывалась, где и когда она встречалась с Грегори, чтобы тот мог передавать записки для меня. Но, увидев их вместе, испытала боль. И злость на себя. Да, и что скрывать, на Исмину

тоже.

Но, когда Грегори прервал её на полуслове и буквально вырвался из захвата, чтобы поспешить ко мне, мне стало стыдно. Я сама пожелала прекратить наше общение, подруга ни в чём не виновата, и уж точно не должна из-за меня в чём-то себя ограничивать.

Тогда я не решилась на разговор с Грегори. Сбежала, попросив Демиса меня прикрыть и, если понадобится, задержать сержанта.

А вечером Исмина вновь отчитывала меня. И я всё больше не понимала, зачем она это делала. Хотела ли доказать правоту своего отношения к жизни или просто желала мне счастья? Но я все равно не сдавалась. До конца обучения оставалось почти два года, никакой мужчина не будет столько ждать.

Как же я ошибалась! Грегори не только согласился ждать, но и поддержал моё желание получить диплом.

Год назад, после нескольких мимолётных встреч со мной, он смог устроить нам свидание. Вернее, подстроить его. И если у меня и были какие-то возмущения, то они испарились в тот момент, когда Грегори сделал мне предложение. Кажется, я тогда потеряла дар речи и смогла лишь кивнуть в согласии.

А потом был поцелуй. Первый в моей жизни.

Разумеется, я больше не избегала встреч с женихом, летя на каждое свидание, словно окрылённая. Мне нравилось

вместе с Грегори строить совместные планы, представлять, на кого будут похожи наши дети и, конечно же, целоваться. Дальше заходить не позволяла.

Глупой я не была. Понимала, что ждать меня, когда я решусь разделить с ним постель, никто не станет. Нравы в Эльпиде намного свободнее, чем в родном Криево. Поселившись в столице, я приняла это как данность, но не согласилась следовать тому, что было мне противно. И если бордели, как только я узнала о них, раньше вызывали во мне протест, то позднее, когда поняла их истинное назначение, или одно из них, просто смирилась. Пусть лучше так, чем появление постоянной пассивности на стороне.

Эти мысли одолевали меня лишь поначалу. Потом, увидев, что жених любит меня, они ушли. Напоминала о них лишь Исмина, которая продолжала учить своим взглядам и постоянно интересовалась, не продвинулись ли наши отношения. Наверное, она завидовала. Ведь сама меняла кавалеров постоянно. Чаще всего это был кто-то из сослуживцев Грегори. Я никогда не интересовалась, но, скорее всего, кому-то из них она уже отдала своё девство. Наверное, надеялась так привязать к себе мужчину, не понимая, что его могли удержать только чувства, а не доступная близость.

Звук проворачивающегося ключа вывел меня из воспоминаний. Вдохнув, я села, ожидая похитителя. Пришёл за ответом или принёс еду?

В любом случае пора уже заканчивать своё заточение. Мой жених и друзья, наверное, с ума сходят, гадая, куда я пропала. Ведь никому из них так и не рассказала, откуда родом. И они вполне могли подумать, что неожиданно мне пришлось уехать.

В этом подвале я оказалась прямиком из своей постели. Наверное, это было самое страшное пробуждение в моей жизни. А теперь мне предстояло совершить рискованную и единственную попытку бежать или выполнить обещание, данное брату – сдохнуть, но не стать шлюхой.

– Ну, и каков твой ответ? – оставшись в проёме, спросил похититель.

– Мне нужно помыться, – тихо, щадя горло, ответила ему. По всему было видно, именно такого ответа он ожидал. Признаться, я и сама не знала, что делала бы, не будь у меня браслета. Сдалась бы? Сопротивлялась?

И мне совсем не хотелось даже представлять этого.

Посторонившись, мужчина жестом пригласил пройти в дверь. Со вздохом я встала с лавки и медленным шагом приблизилась к нему. Мне было очень страшно, от чего немного подрагивало тело. Поравнявшись с похитителем, я несмело подняла на него взгляд. Моя макушка доставала до уровня его груди.

– Проходи, Хиония, – с лёгкой улыбкой произнёс он, будто я в гости к нему пришла, а не в плену находилась.

Опустила голову, чтобы не выдать своих чувств. Ещё рано

это делать.

За пределами камеры оказался слабо освещённый коридор. Видимо, мы находились в заброшенном здании, или у него запущены только его подземелья. Паутина и мусор создавали именно такое впечатление. Коридор уходил в две стороны: тёмную, неосвещённую, и светлую. Не спрашивая, я направилась по высвеченному пути. Возражений от похитителя не последовало.

Коридор не имел развилок, и вскоре мы подошли к лестнице, ведущей наверх. Нерешительно остановилась перед ней.

– Передумала? – с весельем спросил мужчина.

– Нет, – не оборачиваясь, ответила ему.

Сделала первый шаг.

Что-то не так было во всей этой ситуации. Будто я упустила какую-то важную деталь. И это тормозило меня. Но дельной мысли так и не пришло.

Наверху тоже была дверь. Запертая. Встав рядом со мной, мужчина отпёр её одним из ключей, что был в связке, ранее не замеченной мной. После раскрыл, но первым прошёл сам.

Яркий свет, ударивший в глаза, заставил зажмуриться. Солнце будто специально направило свои лучи в моё лицо. Вместе с резью в глазах усилилась боль в голове. Я покачнулась. Чужие руки тут же подхватили меня. Пыталась стереть выступившие слёзы, но они лились снова и снова. Как же не вовремя! Мне бы осмотреться для понимания, где я, и как

убираться оттуда, а не слепнуть так глупо.

Спина коснулась мягкой поверхности. А зрение все никак не возвращалось ко мне.

– Пожалуйста, – тихо попросила я.

– Что? – не понял он просьбы.

– Сделайте что-нибудь с глазами. Мне больно.

Конечно, я не надеялась на снисходительность. Ждала насмешек или что-то в этом роде. Даже допускала мысль о намеренной лишении меня зрения. Но похититель удивил. Не прошло и минуты, как мне на лицо легла ткань, пропитанная чем-то. Следом к губам что-то прикоснулось.

– Пей, Хиония, – пояснил мужчина, а я даже не подумала сопротивляться.

Не стал бы он поить меня ядом, не успев ничего получить. Да и если так, то противоядие находилось все в том же браслете.

Я сделала несколько глотков, тут же по вкусу отмечая, что входило в состав. Моё обучение практически закончено, и умение не такое уж редкое. Успокоилась, мигом различив в напиток общеукрепляющий и болеутоляющий сборы.

– Лежи и не снимай примочку, – услышала указание.

– Хорошо.

Странный похититель. Слишком заботливый. Хотя в моей жизни он первый, не мне решать, правильно ли его поведение или нет.

Кажется, я задремала. Очнулась тогда, когда ткань поки-

нула мои веки. Но поднимать я их не спешила, боялась, что снова испытаю боль.

– Можешь открыть глаза, – сказал мужчина, слишком заботливо для преступника.

Но все же поспешила выполнить распоряжение. Быть может, он был из тех сумасшедших, которые знали только две грани поведения – забота и жестокость. Но выяснять это не хотелось.

Первое, что я увидела, раскрыв глаза – это грязный потолок, исчерченный трещинами. Значит, оказалась права, мы находились в каком-то заброшенном здании. Но понять, в какой части Эльпиды я была, это не помогало. И в столице ли мы вообще. Я даже не бралась предполагать, сколько времени прошло со дня моего похищения. Переведя взгляд вправо, увидела похитителя, стоявшего со сложенными на груди руками. Я уселась и огляделась. Судя по всему, мебель появилась в этом помещении недавно – слишком нелепо новые шкафчики, стулья, стол, кресла и кровать, на которой я сидела, смотрелись в окружении облупленных стен. Несколько совершенно одинаковых дверей так же не отличались приглядным видом. Какая же из них ведёт к выходу?

Мужчина молчал, давая мне возможность познакомиться с обстановкой. Хотя я не была уверена в правильности этого вывода.

– Нравится? – спросил он с непонятной для меня интонацией, то ли с усмешкой, то ли с раздражением.

Я не ответила. Даже не посмотрела на него, потому что ждала следующей фразы, в которой непременно будет издёвка. Так и оказалось.

– Это наше жилище на следующие несколько дней. Хотя... – мужчина не договорил, очевидно, ожидая, как я заинтересуюсь окончанием фразы или хотя бы спрошу, что со мной станет потом.

Но он ничего из этого не дождался. Хмыкнув, похититель прошёл к одному из трёх кресел и уселся в него. Закинув ногу на ногу, мужчина сложил руки на коленях и несколько мгновений рассматривал меня. Как бы я ни храбрилась, страх всё больше захватывал моё сознание. А вдруг не сумею, не успею? Как жить потом? Новые вопросы возвращали улёгшуюся не так давно панику.

– Раздевайся, Хиония, – тихо приказал похититель.

Дрожащими руками я схватила подол ночной рубашки и по-детски потянула его вниз, пытаясь закрыть свои ноги полностью. А после уткнулась в колени и разрыдалась в голос. Я думала, что уже все выплакала, но осознание новой ситуации бесконтрольно вылилось в слёзы. Наверное, такое поведение очень раздражало мужчину, но он никак этого не высказывал, терпеливо ожидая тишины.

– Вода, скорее всего, уже остыла, – сказал, когда я замолчала. – Если не поспешишь, придётся принимать очень холодную ванну.

Недоверчиво подняла голову и посмотрела на похитите-

ля. Он не менял позы и изучал меня все тем же спокойным взглядом. Точно псих – ни один мужчина не может терпеть женские слёзы. Даже Грегори однажды, когда я расстроилась из-за несправедливой оценки, попросил не плакать при нем, так как не знал, что ему делать в подобной ситуации. Мысли о женихе чуть ли не вызвали новый поток рыданий. Если я не выберусь и покорюсь желаниям этого ненормального, не будет больше у меня жениха. Такое не прощают, несмотря на обстоятельства. И в первую очередь я сама не прощу себя.

– Куда мне идти? – спросила, спуская голые ступни на ковёр. Тоже новый, устланный прямо на каменный пол. Насколько старо это здание? Кажется, такие дома не строили уже лет сто.

– О, нет! – возразил мужчина. – Сначала ты разденешься. И имей в виду, я больше не стану греть воду, а без магии в этом доме она не станет горячей.

– Я грязная, – напомнила ему, – а ваши требования и так... – запнулась, не сумев подобрать правильного слова. – Не нужно унижать меня ещё сильнее. Пожалуйста, – последнее произнесла почти шёпотом, стараясь сдержать вновь подкативший ком рыданий.

– Хорошо, – согласился он, к моему удивлению. – Дверь за моей спиной. И не вздумай попытаться сбежать, на всех окнах стоят сигналки.

Кивнула и прошла в указанном направлении. Похититель оставался на месте. А что, если попробовать прямо сейчас?

Нет, все же не стоило так бесполезно тратить единственную попытку. Вздохнув, я прошла мимо мужчины и скрылась за дверь. Никакой защёлки на ней не было, да и вряд ли она смогла бы остановить мага.

Обстановка маленькой комнаты мало отличалась от спальни, из которой я пришла, в плане нелепости. Ванна на ножках, стоявшая по центру, блистала новизной, на скамье лежали сложенные полотенца, а на коврике, постеленном для комфорта, даже тапочки стояли. Теперь я стала ещё более уверенной в том, что моё похищение не просто готовилось, а продумывалось до мелочей. И этот вывод ничуть не радовал.

Простояв немного, я убедилась, что мужчина не последует за мной, и только после этого скинула с себя ночную рубашку и бельё. Вода оказалась чуть тёплой, но достаточной для того, чтобы в неё погрузиться. Конечно, я не готовила себя для желаний похитителя, но и являться в управление порядка бродяжкой не собиралась. И дело не в личном комфорте, а в отношении самих стражей к заявителям. Никто не станет слушать оборванку.

Когда я только прибыла в Эльпиду, все вокруг было не только новым, но и странным. Я помнила все наставления брата, но ведь он никогда не жил где-то, кроме Криево, и не знал всех реалий столицы. А они оказались ужасны, во всяком случае, для пятнадцатилетней девочки из деревни.

Мало иметь дар для поступления в Академию Магических и Прикладных Наук. Без базовых знаний, которых, понятное дело, у меня не было, дальнейшее обучение просто невозможно. И, наверное, лишь благодаря необыкновенной удаче, я встретила старого аптекаря, господина Ласви. Он не просто приютил меня, но и признал своей внучкой, дав фамилию. Дедушка, как я привыкла его называть, передал мне много знаний, всегда терпеливо объясняя непонятное. И посвящал он меня не только в науки, но и в обычную жизнь, приучал к шуму столицу, наставлял, как не потеряться во многообразии всего необычного. Без дедушки я бы не справилась и сгнула бы уже в первые месяцы проживания в Эльпиде. Он стал моим самым близким человеком, тем, кого у меня никогда не было. И тем больше по мне ударила его смерть.

Тогда-то я впервые попала в управление порядка. Прямо с порога академии, куда выскочила после успешного поступления, торопясь поделиться радостью с дедушкой. Стражи появились из ниоткуда и равнодушно сообщили об убийстве господина Ласви, после чего забрали моё истеричное тело в управление. Подозревали меня в преступлении или нет, уже неизвестно. Мне обвинений не предъявляли, но несколько раз вызывали в качестве свидетеля, расспрашивая о недругах дедушки. Но я ничего об этом не знала, да и какие могли быть враги у такого доброго человека? А вскоре явились наследники аптекаря, племянники и внучатые племянники.

Где они были этот год, который я прожила в доме господина Ласви? Жили своей жизнью, не беспокоясь о каком-то старике. И пусть в управлении меня убеждали, что я имела большие права на получение наследства, чем кто-либо, в борьбу за него даже не вмешивалась. Дедушка дал мне все необходимое на многие годы вперёд.

– Хиония, поторопись, – раздался спокойный голос похитителя за дверью.

– Ещё немного, – постаралась ответить ровно, чтобы ему не пришло в голову войти.

– Помощь не нужна? – неожиданный вопрос, ещё больше подтверждающий абсурдность ситуации.

– Нет, скоро уже выхожу.

Совершенно не выбирая из многообразия флакончиков, я поспешно промыла волосы и торопливо прошлась мочалкой по телу. Конечно, совсем чистой себя не ощущала, но и грязной уже не была. Быстро вылезла из ванной и закуталась в полотенце. Что ж, осталось самое важное и, наверное, страшное.

Я аккуратно стянула браслет с запястья, покрутила, выбирая нужную бусинку – с ядом. Но тут же нашла другую, с антидотом. Убивать похитителя я не собиралась, но времени, чтобы добраться до управления порядка, выигрывала достаточно. Могла бы сонное или парализующее попробовать, но вряд ли они подействуют на мага достаточно быстро

и останутся незамеченными. Приготовив бусинку нажатием так, что с неё вылезла тонкая иголочка, я нацепила браслет на пальцы.

Уняла дрожь и несмело вернулась в спальню, пряча правую руку за спиной. Мужчина в одних брюках расположился на кровати и на моё появление среагировал улыбкой. Зачем ему все это? И кто он, вообще, такой? Как ни пыталась вспомнить его лицо среди знакомых, его там просто не было.

Я подошла к постели и остановилась в двух шагах от неё. Внимательно осмотрела тело похитителя, но эстетическая сторона меня не волновала – я выбирала место введения яда. Лучше всего подходила шея, но до запястья добраться проще.

– Чего же ты остановилась, Хиония? Смелее.

Была бы она ещё у меня, эта смелость. Стараясь не сжимать браслет, сделала ещё шаг. Мужчина приподнял бровь в немом вопросе. Судорожно выдохнув, поспешила усесться на постель и тут же положила свою левую руку на край полотенца, обёрнутого вокруг моего тела, чтобы привлечь к ней внимание похитителя. Сначала показалось, будто у меня ничего не вышло – мужчина смотрел исключительно в глаза. Но вот взгляд его опустился ниже. Всего один шанс, я не должна ошибиться!

Медленно тяну край полотенца, а моя правая рука с раскрытой вниз ладонью нерешительно приближается к похитителю. Нельзя промахиваться, и поэтому я невольно посмот-

рела, далека ли от цели – запястья похитителя. Оказалось, что нет. Совершенно невероятным образом мужчина проследил за моим взглядом и почти успел убраться руку. Но только почти. Я опередила его движение. Он ничего не почувствовал и потому расслабился, восприняв моё прикосновение за добровольную инициативу.

Тем большим было его удивление, когда я резко встала на ноги и направилась к шкафу, рассудив, что при такой подготовке там, определённо, будет какая-нибудь одежда для меня.

– Что за?.. – попытался воскликнуть мужчина за моей спиной.

Я не ошиблась, одежда, действительно, имелась и явно для меня, судя по размеру. Не оборачиваясь к мужчине, стала одеваться, начав с брюк, чтобы не показывать полную наготу.

– Этот яд называется «полет», – пояснила я отравленному. – Сначала вы моментально потеряете возможность двигаться, хотя и будете чувствовать все тело, потом не сможете говорить, если ваши глаза были открыты на момент воздействия, их вы так же не сумеете закрыть. Затем вы почувствуете ощущение полёта, именно поэтому яд имеет такое название. Вам будет казаться, что вы поднимаетесь все выше и выше, но впоследствии ощущения сменятся на падение. И в момент, когда тело столкнётся с воображаемой поверхностью, вы умрёте, – отчеканила скороговоркой, пыта-

ясь скрыть своё волнение.

Закончив с одеждой, я обернулась к мужчине. Разумеется, он лежал без движения, и даже зрачки его замерли. Жуткое зрелище. Я приблизилась к нему и ввела антидот. Яд действовал мгновенно, поэтому борьба с ним будет затяжная. Но все же мне следовало поспешить, у меня не было уверенности, что похититель работал один. А если он смог проверить все в одиночку, то это говорило о его огромной силе и возможностях. В любом случае надо скорее убираться из этого места и сразу же заявить о случившемся в управление порядка. Проверив пульс мужчины, я убедилась, что он ещё жив, и только потом покинула дом. Дом, ставший моим кошмаром.

Глава 2

Нешадный холодный ветер заставил меня моментально продрогнуть до костей. Отбивая дробь зубами, я обняла себя за плечи и прошла по некогда каменной, но уже поросшей, дорожке. У покосившейся калитки обернулась, разглядывая место своего заточения. Очень старый дом с давно покосившейся и прогнившей крышей даже при свете дня выглядел зловеще, взирая на меня тёмными проёмами вместо окон. Оглядевшись, я заметила ещё несколько подобных домов. Это плохо, ведь, судя по всему, мне очень не повезло оказаться в «древнем городе», месте, по сути являющимся заброшенным зарождением столицы, где мало кто жил по своей воле.

Ещё десять лет назад этот район Эльпиды считался элитным, но после произошло некое событие, о котором ходили десятки версий, покрыв истину своей толщей. Известно лишь одно – «древний город» неблагополучен магически. Это выражалось и в неизвестных болезнях, поражающих обитателей, и в искажениях пространства, порой настолько сильных, что попавшие в стихийный портал выходили в провинциях, далёких от Эльпиды. Причём первыми жертвами таких явлений становились постоянные жители, передвигающиеся в собственных домах.

Никакие щиты не могли полностью изолировать «древний

город» от «жилой» части столицы. Более того, когда было принято решение перенести сердце страны в одну из провинций, стихийные порталы стали возникать во всём государстве, ведя в это жуткое место.

Кроме прочего, ходило ещё много слухов. Они не были подтверждёнными, за десять лет фантазии людей разыгрались так, что сложно было понять, где правда или выдумка. В академии же нам только посоветовали никогда не ступать за предупреждающие знаки, не отвечая на вопросы о конкретных явлениях. А дедушка, заставший время, когда «древний город» был обычным «элитным» районом, рассказывал, что людей с чистым сердцем и разумом его аномалия никогда не трогала, даже водил меня как-то на экскурсию.

Именно поэтому я узнала это место. Но бесстрашия не прибавилось. По-прежнему следовало скорее выбраться, пока похититель не очнулся, и добраться до ближайшего управления порядка. И двигаться-двигаться-двигаться, чтобы не окоченеть от холода. Увы, влажные волосы и босые ступни в домашних тапочках согреванию не способствовали.

Ещё раз осмотрела здание, убедилась в отсутствии каких-либо движений с его стороны и резко развернулась к улице. В какую сторону направляться, я не знала. Поэтому, не давая страху завладеть своим сознанием, рванула вперёд, прямо. Сворачивала только для того, чтобы обежать лужи. Очень порадовала полностью вымощенная дорога, иначе все мои ухищрения с ванной оказались бы тщетными.

Вообще, я старалась смотреть только под ноги. Мрачная пустота улиц и домов пугала. Несколько раз мне слышались шаги за спиной, но, когда я решалась обернуться, никого не видела позади. Периодически закрадывалась мысль, что направление выбрано неверное, и вело оно не к «жилой» части, а на окраину, но я упрямо бежала вперёд. Даже за пределами Эльпиды безопасней, чем в «древнем городе», несмотря на все заверения дедушки.

Когда до меня стали доноситься звуки активной жизни, я не поверила своему счастью. И даже сбившееся от долгого бега дыхание будто выровнялось, что придало мне новые силы.

Я пропустила момент появления среди недоуменной толпы. Видимо, все же попала в портал, но тот вывел меня туда, куда и стремилась. Огромная удача.

– Это Эльпида? – все же уточнила я.

Мне ответили не сразу. Несколько человек, из тех, кто не разбежался при моем появлении, пристально вглядывались в моё лицо. Это привело меня в замешательство.

– Хиония Ласви? – неуверенно спросил мужчина, который, судя по одежде, был торговцем.

– Да, – кивнула ему, недоумевающая, откуда он мог меня знать.

– Это она, – прошептала женщина, стоявшая справа от меня.

– Ты роток-то не раскрывай! – грубо осадил её торговец. –

Я первый признал!

– Думаешь, один такой глазастый? – не осталась женщина в долгу. – Сказано было – любой, давший сведения!

К спору присоединились остальные. Казалось, они говорили о чём-то, известном лишь им. Я сумела уловить только то, что все делили какое-то вознаграждение. Хотела было отойти подальше от свары, но тот самый торговец тут же подхватил меня под локоток и, отведя чуть в сторону, словил механическую повозку. Я шла за ним по инерции, но, когда мужчина попытался усадить меня в коляску, стала сопротивляться.

– Куда вы меня тянете?

– Как куда? – оскорблено спросил торговец. – В управление порядка, конечно.

– А зачем?

– Госпожа Ласви, вас ищут уже десятый день, – коротко пояснил он.

Не дожидаясь ответа, торговец втянул меня на повозку. А я настолько ушла в мысли, что не замечала ничего вокруг себя.

Десять дней... Меня искали десять дней, и ещё неизвестно, сколько времени прошло с момента моего похищения и до объявления о поисках. Наверное, уже никто и не надеялся найти...

– Приехали! – чересчур громко сообщил торговец.

Я самостоятельно спустилась и, обняв себя, огляделась.

Кажется, не так далеко мы были от управления, чтобы пользоваться повозкой. Но вопросов задавать не стала. Главное, я добралась до стражей.

– Госпожа Ласви? – несмело напомнил о себе мой провожатый.

Вблизи управления порядка он стал более смиренным. Видимо, компания стражей не сильно прельщала торговца.

– Почему вы помогаете мне?

– За такое вознаграждение и своему фетчу¹ поможешь, – тихо пробормотал торговец и прошёл вперёд.

Что ж, теперь понятны и спор, и наём повозки, и спешка торговца. Я догнала мужчину, оставив попытки угадать личность обещавшего награду. Все потом.

На пороге управления стоял грузный страж, лениво потягивая тёплый напиток из большой чашки. Увидев моего провожатого, он заметно оживился.

– Густав, неужто снова обокрали? – хохотнул страж.

Торговец только буркнул в ответ что-то неразборчивое вошёл в здание, лишь бегло оглянувшись на меня. Когда я проходила мимо стража, он замер, так и не донеся чашки до рта. Понятно, что это свидетельствовало об узнавании, но реакция более, чем странная.

Хотя после третьего подобного ступора я уже перестала удивляться. Просто шла за торговцем. Мы остановились только возле двери кабинета начальника участка. Коротко

¹ двойник человека, встреча с которым предвещает смерть.

постучав, торговец заглянул внутрь.

– Густав? – раздался усталый голос. – У меня сейчас времени...

– Полковник, я же не за себя, – заискивающим голосом перебил его мужчина.

Схватив меня за руку, он раскрыл дверь шире и буквально втолкнул в кабинет.

Начальник участка даже не поднял головы, продолжая изучать бумаги, которые держал в руках. Отвлёкся он только после стука закрывающейся двери.

– Густав, то, что мы когда-то были соседями, не даёт тебе... – полковник не договорил, увидев меня. – Хиония Ласви? – уточнил он.

– Она самая, – ответил за меня торговец. – И я, Густав Истав, не только сообщил сведения о ней, но и привёл саму госпожу Ласви.

Начальник участка внимательно осмотрел меня с головы до ног. Я даже поёжилась от такого взгляда.

– Густав, позови Клауса, – не глядя на торговца, приказал полковник.

– Но... – хотел возразить мужчина, но покорно вышел из кабинета.

– Госпожа Ласви, присядьте пока, – уже более мягким тоном сказал начальник участка управления порядка.

Я послушно присела на стул, который стоял ближе ко мне. Полковник вновь углубился в бумаги, будто забыл обо мне.

И я не решилась ему мешать.

Тело, разогретое бегом, уже остыло, ноги, несмотря на все ухищрения, промокли, от этого меня стало заметно потряхивать. И, наверное, с опозданием пришло осознание произошедшего. Но одновременно я все ещё не могла поверить, что кошмар закончился.

Вскоре вернулся торговец вместе с молодым пареньком в форме стража. Никогда бы не подумала, что тот работал в управлении, слишком юно он выглядел.

– Клаус, проводи госпожу Ласви в комнату отдыха, вызови двух целителей и сообщи заявителям об окончании поисков.

Паренёк, деловито кивнул и с ожиданием уставился на меня. Я поспешила встать.

– А?.. – растерялся торговец.

– Густав, вознаграждение у заявителей. Не думаешь же ты, что они по всем участкам оставили залогов? Подожди в коридоре, – пресёк полковник все возражения.

– Заявители? – уточнила я.

– Грегори Рейзе и Демис Рихтор, – терпеливо ответил начальник.

Казалось, он хотел добавить что-то ещё, но промолчал, едва заметно кивнув Клаусу.

– Госпожа Ласви, – обратился торговец, когда мы оказались в коридоре, – вы уж не забудьте, кто вам помог – Густав Истав.

– Госпожа Ласви запомнила, – неожиданно твёрдым голо-

сом произнёс паренёк.

Признаться, я была в полном недоумении от ситуации, в которую попала. словно со стороны смотрела на себя и понимала, что так быть не должно. Не только отношение стражей выглядело неправильным, но и похищение вообще.

Ведя меня по коридору, Клаус шёл рядом, но хлюпающие тапочки заметил.

– В комнате отдыха есть одеяла, – тихо сообщил он. – Укутаетесь до прихода целителей.

– Спасибо, – машинально ответила ему. – А когда мне давать показания и писать заявление? – решила спросить я.

– Только после осмотра целителями.

– Но разве так положено?

– Нет, – коротко ответил Клаус, больше ничего не поясняя.

Он проводил меня на второй этаж, где отпёр вторую от лестницы дверь и пригласил внутрь. В комнате отдыха было уютно. Слева находилась маленькая кухня и стол, справа в ряд стояли два кресла и три диванчика. На один из них и усадил меня паренёк. В другом открыл отсек для белья, достал оттуда подушку и одеяло, которые, не принимая возражений, вручил мне. Заметив мою растерянность, Клаус забрал подушку и сам положил её в предполагаемое изголовье, а с меня стянул мокрые тапочки, после закинул мои ноги на диван и заботливо укрыл одеялом.

– Отдохните, госпожа Ласви. Целители скоро придут.

– Спасибо.

Паренёк больше не сказал ни слова и вышел из комнаты, оставив меня одну. Мне было неловко отлёживаться под одеялом в управлении порядка. Но под ним, действительно, было теплее. Настолько, что вскоре меня сморил сон.

Я проснулась от лёгкого прикосновения ко лбу, но глаз не раскрыла.

– Она кажется мне знакомой, – услышала я женский голос над головой.

– Конечно, вся столица вверх дном стояла в её поисках, а портрет разве что под каждую дверь не подсовывали, – ответил мужчина.

– Нет, мне кажется, что я уже встречала её, – настаивала девушка.

– Надо завершить осмотр, пока её кавалеры сюда не ворвались.

– Да, ты прав.

Почувствовав, как с меня стали стягивать одеяло, я раскрыла глаза.

– Добрый день, госпожа Ласви, – с улыбкой поприветствовала меня рыжеволосая девушка. – Меня зовут Катерина, а это...

– Клеон, – ответила я за неё.

Невероятно, что явились именно они.

Оба нахмурились, видимо, пытаюсь вспомнить, откуда они мне знакомы. Я присела. Разговаривать лёжа было

некомфортно.

– Я Хиония. Вы спасли меня шесть лет назад, – тихо пояснила им.

– Точно! – воскликнула Катерина. – Клеон, помнишь? Мы же тогда ещё возвращались, но нам сказали, что ты умерла... Как ты оказалась здесь? Да ещё с такими связями?

– Катерина! – строго осадил её брат.

– Ох, прости, Хиония, – сразу же повинулась она.

– Все нормально, – уверила её. – Только прошу, никому не говорите, откуда я.

Целительница только кивнула и зарылась в сумку, доставая оттуда бумаги.

– Стесняешься? – спросил Клеон, усаживаясь рядом.

– Нет, – честно ответила ему. – Просто... там я умерла.

– Ну, приступим, – сказал Клеон, словно забыл, о чём мы недавно говорили. – Катерина, готова?

– Да.

– Хиония... Можно же так обращаться? – Дождавшись моего кивка, целитель продолжил: – На что нам следует обратить внимание в первую очередь?

– На голову, – сказала, почти не задумываясь.

Он задал ещё несколько вопросов о моем состоянии, Катерина в это время записывала каждый ответ. Они не спрашивали, где я была, и что со мной случилось. А любые попытки рассказать об этом тут же пресекали. Закончив опрос, целительница пересела ко мне и, склонившись к уху, еле слышно

прошептала:

– Задета честь академии, ведь ты пропала с её территории.

– Не понимаю...

– Высокопоставленные люди очень беспокоятся о безопасности своих детей, – скороговоркой прошептала она и поспешно встала.

Пресекая вопросы, Катерина приложила палец к губам. Но я и так молчала. Конечно, о том, что в академии обучались дети наместников провинций, мне было известно. Как и сокрытие их личностей. Исмина как-то пыталась вызнать имена, но вроде бы у неё ничего не вышло.

Клеон вновь уселся рядом и, вода руками вдоль тела, начал исцеление. В другой момент я бы насладились разносимым по телу теплом, но не тогда, когда все мысли были заняты обдумыванием сложившейся ситуации.

Меня похитили с территории академии, а об этом стало известно практически по всей Эльпиде. Разумеется, такая огласка не могла остаться без последствий. Но только ли для академии? Почему до сих пор никто не спросил, где я была все это время? Зачем вызвали целителей, даже не спросив, нужна ли их помощь?

– Всё, – закончил Клеон, заметно ослабев. Он тут встал и пересел в кресло. – Хиония, лучше приляг. Я только запустил процессы, но не заканчивал их.

– В чём дело? – обеспокоилась Катерина.

– Что-то с памятью, – пояснил он сестре.

– В смысле? – спросила я, укладываясь и укрываясь. – Что с ней не так?

– Хиония, нам бы не хотелось в это влезать, – твёрдо, глядя мне в глаза, ответил Клеон. – Катерина, в твоём положении и вообще, – обратился он к сестре, уже порывающейся что-то сказать.

– Вы просто скажите, мне память стёрли, так? – тихо спросила целителей, уже догадываясь об ответе.

Клеон еле заметно кивнул, но тут же пожал плечами. Я растолковала это, как его неуверенность в ответе. Но теперь становилось понятнее, почему я потеряла счёт времени, да и вообще, мало чего запомнила.

– Сейчас явятся твои кавалеры, постарайся не вставать, – напутствовала Катерина и вышла из кабинета.

Её брат немного задержался, ещё раз задумчиво меня осмотрел. Уже уходя, у двери он обернулся и сказал:

– Я рад, что ты смогла переехать в Эльпиду, – впервые его лицо озарилось улыбкой.

– Спасибо, – улыбнулась в ответ.

Одна я оставалась недолго. В комнату, как вихрь, ворвался Демис. Впервые он явился ко мне в таком взвинченном состоянии. Подскочив, сокурсник сжал меня в объятиях, приподнимая над диваном.

– Мелкая! Я чуть с ума не сошёл! Ты нашлась! Нашлась! – ничуть не беспокоясь о моих ушах, причитал он.

– Ты сейчас всю работу целителей сведёшь на нет, – про-

хрипела я.

– Прости, – мигом отпустив меня, повинулся Демис. Он поправил одеяло и уселся на край дивана. – Когда ты пропала, я места себе не находил. Ты же знаешь, что заменила мне сестрёнку.

– Знаю, Демис. И спасибо тебе! – я потрясла рукой с браслетом. – Если бы не ты... – мой голос сорвался.

А ведь казалось, что я уже успокоилась.

– Где ты была? – спросил он, заботливо стирая слезы.

– В «древнем городе», – шёпотом ответила ему. – Меня похитили. Прямо из собственной постели. Ты мой личный хранитель, Демис.

Теперь я сама приподнялась и обняла его, вкладывая свою благодарность.

– Потом все расскажешь, – проговорил он, проводя по моим волосам. – И не реви – нос распухнет. Сейчас твой жених придёт, испугается ещё и передумает жениться.

Удивительно, но слёзы мигом высохли. Демис всегда мог остановить их только несколькими фразами. Он либо смешил, либо вызывал желание стукнуть его чем-нибудь тяжёлым по голове, но плакать уж точно больше не тянуло.

– Зачем ты объявил вознаграждение за мои поиски? – спросила его, окончательно успокоившись.

– Мелкая, не задавай глупых вопросов, – отмахнулся Демис.

Дверь открылась и в комнату вошёл Грегори. Сокурсник

тут же встал и пересел в кресло. Мой жених был сдержан, его лицо не выражало никаких эмоций. Только усевшись рядом, он приложил свой лоб к моему, а после, вздохнув, припал к губам нежным поцелуем. Нас прервало покашливание Демиса. Посмотрев на друга недовольным взглядом, я вызвала его улыбку.

Грегори чмокнул меня в щёку и выпрямился. Он нашёл мою руку под одеялом и сцепил наши пальцы. Я не знала, что сказать жениху. Видимо, он тоже, раз молчал. Вглядевшись в лицо жениха, заметила почти сошедший синяк на скуле. Вытащив свободную руку, я коснулась его.

– Где ты так?

Вопрос не был простым проявлением любопытства. Хоть Грегори и военный, служба у него относительно спокойна, а в драки он обычно не ввязывался.

– Недопонимание с твоим... другом, – недовольно ответил жених и, повернув голову, приник к моей ладони губами.

– Демис? – удивилась я.

– Мог и промолчать, – пробурчал сокурсник. – Мелкая, ну, что я мог подумать, когда тебя утром никто не смог найти? Конечно, что ночь ты провела со своим женихом.

Я чуть не задохнулась от обиды и возмущения. Уж кто, а Демис, должен был знать, что я такое не приемлю.

– Не смотри на меня так! Уже все понял и осознал, – он поднял руки в примирительном жесте.

– А ударил за что?

– Ревнивый он у тебя, – отведя взгляд, ответил сокурсник.

– Серьёзная причина, – проворчала я. – Но потом-то вы разобрались?

– Все хорошо, Они, – ответил Грегори, чуть сильнее сжимая пальцы. – Теперь, когда ты нашлась, всё стало хорошо.

И я поверила ему. Ведь он никогда не врал. Бывало, не отвечал на мои вопросы, объясняя это тем, что не хочет расстраивать меня. С недовольством, но я принимала это. Ложь намного хуже.

Дверь снова открылась и в комнату вошёл профессор Лангель, преподававший в академии юридические дисциплины, в сопровождении Клауса.

– Как себя чувствуешь, Хиония? – с порога спросил профессор.

– Спасибо, целители хорошо справились, – ответила ему, совсем не понимая, зачем он пришёл.

– Что ж, не будем задерживаться, – в своей привычной деловой манере проговорил профессор Лангель, – нас уже ожидают.

– Кто и где? – вмешался Грегори.

Преподаватель смерил обеих парней внимательным взглядом.

– А вы, господа, отправляйтесь по домам, – почти в приказной форме сказал он. – Допрос может продлиться очень долго.

– Какой допрос? О чём вы?

– Оставьте свои вопросы. Меня, быть может, тоже не прельщает находиться тут как представителю и защитнику академии, – с этими словами профессор резко развернулся и вышел из комнаты.

– Госпожа Ласви, – обратился оставшийся Клаус, – это единственное, что я мог тут найти, – с этими словами он показал туфли на плоской подошве, хоть и новые, но на несколько размеров больше моего.

– Спасибо вам, – скупно улыбнулась ему.

В связи с тем, что рассказала Катерина, слово «допрос» вызывало не только протест, но и страх. Хотя профессор Лангель всегда любил нагнетать и преувеличивать.

Дождавшись, когда я встану и обуюсь, Клаус открыл дверь.

– Госпожу Ласви ожидают в дознавательской, а вам, действительно, лучше пока покинуть участок, – обратился паренёк к Грегори и Демису. – Я сообщу, когда вы сможете вернуться.

Нехотя, но мои жених и друг согласились с Клаусом. Грегори ещё раз быстро поцеловал меня, пробормотал что-то о том, как трудно ему уходить, и покинул комнату. Демис направился вслед за ним, но был остановлен мной.

– Попроси, пожалуйста, Исмину собрать мне вещи, – смущаясь, попросила его. Но обратиться с этим к Грегори я не могла.

Сокурсник только кивнул в ответ и вышел. Вздохнув, я

не стала больше задерживать Клауса, молчаливо ожидавшего меня у двери.

– Куда мне идти? – спросила обречённым голосом.

– Я провожу, – напомнил он, пропуская меня в проход.

Клаус повёл меня на третий этаж, почти до конца его коридора. Заглянув в приоткрытую дверь, паренёк кивнул и, раскрыв её, обратился ко мне:

– Проходите, госпожа Ласви.

С некоторой опаской я зашла в дознавательскую. Комната без окон, с искусственным освещением, вмещала в себя только стол, располагавшийся по центру, и стулья вокруг него. Два из них были уже заняты профессором Лангелем и, видимо, самим дознавателем. Страж молча указал на свободное место и снова углубился в чтение, которое прерывал при моем появлении.

Чувствуя себя неудобно, я уселась на один из стульев и положила руки на стол в ожидании вопросов, разумно предположив, что, раз присутствовал дознаватель, то и виновник случившегося уже известен. Иначе тут был бы следователь или дежурный сотрудник. Последний, естественно, просто записал бы мои слова и принял заявление.

– Я слушаю вас, – не глядя на меня, проговорил дознаватель.

– А вы...

– Джес Халти, – раздражённо представился он. – Ваше имя я знаю, с профессором вы знакомы. Не тяните время.

Так и не посмотрев на меня, страж управления порядка постукал указательным пальцем по записывающей пластине, ранее не замеченной мной. Это изобретение артефакторов использовалось практически повсюду. Но главной загвоздкой было то, что без помощи изобретателей узнать разговор, записанный на такую вещь, невозможно. Хотя вряд ли такая проблема вставала когда-либо перед стражами.

– Я не знаю, какая сегодня дата, чтобы начать, – сказала неуверенно.

За всеми этими событиями и встречами так и не выяснилась, как долго меня держали в том подвале.

– Четырнадцатое апреля, – сообщил профессор Лангель. Он выглядел ещё более недовольным, чем обычно.

Простая арифметика подсказала, что официальные поиски начали через два дня после моего похищения. И значит, в заточении я провела целых двенадцать дней. И эта мысль никак не укладывалась в моей голове.

– Госпожа Ласви, я убедительно прошу вас рассказать все самостоятельно, а не ждать наводящих вопросов от меня, – слова дознавателя прозвучали, как угроза.

Страж поднял взгляд от бумаг и посмотрел так, что по коже пробежали мурашки.

– Да. Простите, – тихо пробормотала в ответ и уткнулась в столешницу. – Меня похитили.

– Продолжайте.

– В ночь на второе апреля я легла спать. Проснулась уже

не в своей комнате, а в каком-то подвальном помещении. Сначала решила, что это розыгрыш или экзамен, – последнее сказала почти шёпотом, понимая глупость такого предположения. – Самостоятельно выбраться не смогла.

– Но все же выбрались? – подошёл страж.

Хоть он и задал вопрос, но его голос был безэмоциональным.

– Все эти дни, я не знала, где нахожусь, и что от меня нужно. Еду и воду приносили, когда я спала, – продолжила рассказ. – Но сегодня похититель пришёл сам.

– Какие требования он выдвинул? – вмешался профессор.

Удивления в его голосе не чувствовалось, лишь какое-то нетерпение.

– Он... – я запнулась, не зная, как рассказать о таком. –

Он пообещал свободу в обмен на моё послушание.

– Конкретные условия были озвучены? – спросил дознаватель.

– Да, – ответила, обдумывая, как объяснить далее.

На самом деле, ситуация не только нестандартная, но в какой-то степени наигранная, что ли. Я боялась, что страж и профессор просто не поверят мне.

– Он потребовал от меня близости, – не отрывая глаз от столешницы, пояснила я тихим голосом.

– Это все? – уточнил дознаватель.

– Да.

– Продолжайте.

– Чтобы выйти из подвала, я согласилась на это условие...

В дальнейшем постаралась описать все, что видела вокруг, каждую замеченную мелочь. Я старалась не вносить свои эмоции, лишь сухие факты. Очередная заминка состоялась с тем, как я смогла сбежать. Выдавать то, что я использовала яд, было опасно, но и вранье совершенно ни к чему.

– Я обезвредила похитителя и выбежала из дома. В «древний город» меня водил дедушка, и потому я сразу же узнала это место. А потом просто бежала, пока не появилась посреди толпы горожан.

– Дальнейшее Густав Истав нам рассказал, – остановил меня дознаватель. – А теперь подробнее, пожалуйста. Как вы обезвредили похитителя?

Мне совсем не хотелось подставлять Демиса, но и он не просил скрывать наличие браслета у меня.

– Сумев отвлечь его внимание, я ввела ему яд. Но позже, одевшись, ввела противоядие, – поспешила оправдаться. – Когда я уходила, он был жив.

Страж больше не задавал вопросов, но, подняв голову, я наткнулась на его тяжёлый взгляд. Дознаватель ожидал пояснений, и ему явно не нравилась сумбуризм моих объяснений. Я стянула браслет и положила рядом с записывающей пластиной.

– Эту вещь мне подарил Демис Рихтор, мой сокурсник. В браслете восемь ядов разного действия и восемь противоядий к ним, а также есть сонное и парализующее с времен-

ным действием, кроме того, в одной из бусин универсальный антидот. Без этого браслета я бы до сих пор сидела в подвале.

Переглянувшись с профессором, дознаватель кивнул. А после встал, собрал со стола бумаги, записывающую пластину и браслет. Не говоря больше ни слова, он покинул кабинет.

– Демиса накажут? – спросила я.

– Это уже не ваши заботы, госпожа Ласви, – отмахнулся преподаватель.

Повисло молчание. Вроде бы я уже все рассказала, и нет причин задерживаться, но меня никто не отпускал, как и не пояснил дальнейших действий. Присутствие профессора Лангеля так же ничем не аргументировалось. Спросить его самого, возможно, было бы разумным, но что-то останавливало от этого поступка. Седой преподаватель некоторое время сидел неподвижно, а после еле слышно забарабанил пальцами по столешнице.

– Хиония, – обратил он на себя внимание. – Скажу прямо, дело твоё плохо.

– Я не понимаю вас, профессор Лангель.

– Плохо, что не понимаешь, Хиония, – со вздохом произнёс профессор.

Уставившись на него, я ожидала пояснений. Но преподаватель не спешил с ними.

– Через два месяца будут проводиться выборы монарха, – сказал профессор, глядя мне прямо в глаза. – В нашей акаде-

мии учатся восемнадцать отпрысков тринадцати из двадцати пяти наместников провинций. Нынешний король выпускник нашей академии и лично советовал её, как самое безопасное место на время обучения. И твоё... исчезновение с последующими громкими поисками подрывает не только авторитет учебного заведения, но и слова действующего монарха.

Информация дошла до меня быстро. Действительно, если меня смогли похитить прямо из постели, то о безопасности даже речи быть не могло. И волнения наместников оправданы в полной мере.

Несколько веков назад в нашем государстве процветала абсолютная монархия, как, впрочем, практически во всех соседний и в нынешние времена. Но затем, когда король Килмард «Счастливым» приблизился к концу своей жизни, встал вопрос о раздроблении страны. Шутка ли, иметь восемнадцать сыновей и восемь дочерей. История говорит, что Килмард растил детей в дружбе и никогда не допускал распрей между ними – не зря получил своё прозвище. Но нужно было передать власть только одному наследнику. К решению проблемы пришли сами дети. Они предложили отцу ввести выборы монарха с определённой периодичностью и поделить страну на двадцать пять провинций, отдав промежуточную власть братьям и сёстрам, впоследствии названными наместниками. В условиях такой конкуренции за трон предложение отпрысков было более, чем разумным, и Килмард принял его без раздумий. Говорят, что и умирал он счастливым.

Несмотря на смену поколений, выборы монарха устоялись. Каждые шесть лет король переизбирался. Чаще всего наместники провинций оставляли действующего короля или его наследника, если он правил достойно и мудро – им вполне хватало своих провинций. В результате власть негласно принадлежала одной ветви рода, прочно обосновавшейся в Эльпиде – Нерлингам.

– Вы полагаете, что моё похищение может как-либо сказаться на выборах? – громче, чем нужно, спросила профессора.

– Не понимаешь, – вновь вздохнул преподаватель.

– Так объясните мне, профессор Лангель.

Порыв выпалить на него свои переживания сдержала буквально в последний момент. Было очень обидно, что после всего меня ещё пытались в чём-то обвинить, но ничего не объясняли.

– Ты не поймёшь всех тонкостей политики, – начал преподаватель, – поэтому я не стану их даже касаться, – он откинулся на спинку стула и сложил руки на груди. – Академия никогда не признает брешь в защите, – слова прозвучали, как вызов.

– То есть никто не станет искать похитителя? – сделала вывод.

– Ну, почему же? – профессор скупно улыбнулся. – Возможно, тебя приняли за дочь одного из наместников, но выяснив, что ты таковой не являешься, выставили хоть ка-

кое-то условие. Возможно, это была только тренировка перед следующим похищением, и в будущем нам стоит ждать очередных попыток. Но также возможно, что ты, действительно, приглянулась мужчине, и у него столь странные методы уходаживания. Но проработка версий и поиски преступников – не моя работа. Я защищаю интересы академии, и только интересы академии.

– Хорошо, – не стала с ним спорить. – Что требуется от меня?

– Ничего сложного, Хиония. – заверил преподаватель. – Просто молчать.

– Мне кажется, вы чего-то недоговариваете.

– Я рассказал тебе даже больше, чем требовалось, Хиония.

Что-то настораживало меня, но я никак не могла ухватить нужную мысль. Казалось, ничего сложного, просто забыть весь этот кошмар прошедших дней. В конце концов, я осталась жива, сохранила честь и, что бы ни рассказывал профессор, помогла найти слабость в защите академии. Ведь, и правда, несмотря на изменённые имена, преступники могли вычислить детей высокопоставленных особ, а похищение не самое страшное из последствий этого. А я, выросшая в постоянных упрёках и затрещинах, уж как-нибудь усмирю гордость и обиду.

– Это все? – спросила преподавателя.

– Мне нужен твой ответ, – с нажимом в голосе сказал про-

фессор.

– Я вас слышала. Буду молчать.

Наверное, он не ожидал такого быстрого согласия. Признаться, я его понимала. Любой другой человек на моем месте требовал бы справедливости и наказания обидчика. Но я просто знала, что это бесполезно. Справедливость за сильными или хотя бы за толпой. И глупо пытаться доказывать обратное.

Профессор Лангель поднялся первым, я за ним. На выходе он коротко попрощался и поспешил уйти. Меня же дождался Клаус.

– Госпожа Ласви, вам нужно пройти к иллюзионисту, проверить, точно ли он смог воссоздать внешность преступника.

То, что действия уже начали предприниматься, порадовало. Хотя вновь смотреть на того мужчину, пусть только иллюзорного, совсем не хотелось.

– Идёмте, – только и сказала Клаусу.

Мы спустились на первый этаж, где, пройдя по нескольким коридорам, оказались в кабинете, напоминавшем учебную аудиторию. О его предназначении не стала спрашивать даже из любопытства. На одном из столов сидел мужчина несколько неопрятного вида, а перед ним кружилось иллюзорное лицо со знакомыми мне чертами.

– Брови более прямые, – подходя, подсказала я. – И волосы светлее.

– Цвет глаз?

– Этого я не запомнила.

– Хорошо, смотрите, какой больше подходит под общий образ.

Все уточнения заняли минут десять, по пришествию которых перед нами стояла копия похитителя. Да уж, иллюзионист оказался на редкость талантливым. Ещё раз расспросив меня о результате, мужчина достал из кармана хрустальный кулон и, замысловато махнув им, заключил иллюзию внутрь. Следом специалист и сам преобразился, став выглядеть немного моложе, привлекательней и опрятнее.

– Теперь-то все? – устало спросила Клауса.

– Да, госпожа Ласви. Вас уже ждут.

Он проводил меня в комнату отдыха, откуда недавно забирал. Подобное хождение по управлению порядка уже раздражало, но показывать этого я благоразумно не стала. Ситуация прояснилась, когда я зашла внутрь. Меня ждала Исмина.

– Хиония, как же я волновалась за тебя! – проговорила она, обнимая. – Не поверишь, но эти двое почти одновременно пришли ко мне. Правда, Грегори не пустили за ворота. В академии сейчас такое творится! Всех, у кого есть родственники, распустили. Что-то там с защитой проделывают. Но ты знаешь, я в этом не сильна. Где ты была?

– Не сейчас, Исмина, – отмахнулась от расспросов.

Врать я не хотела, но мне требовалось подобрать слова для объяснений.

– Ну, хорошо, – слишком быстро она сдалась. – Давай, переодевайся и пойдём. Я себя неуютно тут чувствую. Кажется, что в любой момент обвинят в чём-нибудь.

Обернувшись, я попросила Клауса выйти. Подруга без просьб сама встала у двери на случай неожиданных гостей. Достав принесённые вещи из сумки, я начала раздеваться, стоя спиной к выходу.

– А где твоё бельё? – от неожиданного вопроса я вздрогнула.

– Как видишь, его нет, – ответила, не оборачиваясь к подруге.

– Я вижу, – настаивала она. – Но почему?

– Это уже не важно, – твёрдо проговорила я, ожидая её понимания об исчерпанности темы.

– Ладно, – небрежно сказала Исмина.

Закончив с одеждой, я закинула снятое в сумку и, взяв её в руку, направилась к выходу. Клаус дожидался нас в коридоре и довёл до самого выхода, где стояли Грегори и Демис. Зачем вернулся однокурсник, я решила не спрашивать, хотя недовольный вид жениха так и требовал этого вопроса.

– Они, – отойдя от порога, заговорил Грегори, – думаю, эти четыре дня, пока не будет занятий, тебе лучше пожить в моём доме.

От неожиданного предложения я остановилась. Никогда раньше он не приглашал к себе просто на чай, не то чтобы пожить.

– Прости, но мне кажется, что это несколько неуместно, – осторожно подбирая слова, ответила ему.

– Брось, Они, – настаивал Грегори. – Тебе пора познакомиться с моим отцом, тем более я уже взял увольнительные.

– Четыре дня? – поразилась я.

– Да, и потому следующий месяц мы не сможем видеться.

– Ну, зачем ты так? – капризно протянула, понимая, что обязана согласиться.

Конечно, про то, что мы не сможем видеться, он преувеличил, ведь бывал свободен практически каждый вечер, но с территории академии отпускали только до девяти. Хотя Исмина умудрялась проскакивать и утром. Я же никогда не нарушала режим. И в последние полтора месяца учёбы точно не собиралась это навёрстывать. Но Грегори освобождался только в восемь вечера, и встречи станут почти мимолётны.

– А ещё, – склонившись ко мне, прошептал он, – я уже отвёз собранные Исминой вещи к себе домой.

Подруге достался возмущённый взгляд. В ответ она лишь закатила глаза и сильнее прижалась к Демису, которого держала за руку. Оба они стояли возле повозки, ожидая нас.

– Хорошо, – ответила я Грегори. – Комната, надеюсь, отдельная? – уточнила на всякий случай.

– Конечно, – с улыбкой отозвался он и коротко поцеловал меня.

У повозки мы расстались парами. Оказалось, что дом Грегори находился недалеко, а коляской воспользовались Демис

и Исмина. На прощание я обняла друзей, шёпотом попросив однокурсника не распространяться о похищении и «древнем городе». Демис не ответил, но я была уверена, что он не подведёт.

Неспешно идя по улочкам, известным только Грегори, мы довольно быстро добрались до двухэтажного дома с большим садом, окружавшим его с трёх сторон.

– Скоро тут будет удивительно красиво! – не сдерживая эмоций, воскликнула я. – Никогда не прощу тебя за то, что ты раньше не показывал мне этого!

– Они, – остановил меня Грегори перед калиткой, – не обижайся, пожалуйста, – искренне повiniлся он.

– Я шучу, Грегори, – улыбнулась ему. – Все хорошо.

Никогда не спрашивала жениха о семье и доме, боялась ответного интереса. Глупо, наверное, но два года получалось обходить эту тему.

– Поговорим внутри, – он поспешил открыть калитку. – Тётя Мёрли готовит замечательный чай.

Вопреки моим ожиданиям, мы направились не к центральному входу, а к боковому, по замысловато вымощенной дорожке. Грегори объяснил это тем, что в доме постоянно не проживали и, скорее всего, дверь нам просто не откроют. Но вот кухня, когда там хозяйничала тётя Мёрли, всегда была распахнута настежь. Так же оказалось и в этот раз. Высокая, непривычно худая для кухарки женщина ловко хозяйничала в огромном помещении. Казалось, что она глубоко увлечена

своим занятием, но наше появление не осталось незамеченным.

– Здравствуйте, господин Рейзе, – с улыбкой поприветствовала она.

На меня даже не взглянула.

– Ох, оставьте, тётя Мёрли! – отмахнулся Грегори, усаживаясь за стол.

Для меня приглашения не последовало, и потому я осталась стоять. Чувство неловкости, того, что лишняя в этом месте, заставило пожалеть о своём поспешном согласии на предложение Грегори. Что-то неправильное витало в самом воздухе.

С точки зрения морали Эльпиды я не сделала ничего предосудительного, добрые отношения с совместным проживанием могли длиться и несколько лет. Но вот личные принципы переступила слишком быстро. Возможно, я ждала заверений, что все делаю правильно, а их не было. Или череда событий так повлияла на меня? К тому же хотелось хоть немного заботы и тепла от жениха, который даже не заинтересовался о произошедшем со мной.

– Я так соскучился по пирожкам!

– Скоро будут, мой мальчик! Как раз выпекаются.

– Здорово!

С каждой фразой я делала шаг к выходу. Пусть по-детски, трусливо и глупо, но плакать от несбывшихся ожиданий при Грегори ещё нелепей. Нет, я не обиделась на него, ведь он

не мог читать мои мысли. Скорее, разочаровалась. Впрочем, ставить это в укор ему не собиралась. По сути, он ничего и не сделал.

Мои мысли запутались, и это ещё больше убедило покинуть дом Грегори – мне нужно было побыть одной и разобраться в себе.

– Может, чаю? – предложила тётя Мёрли, когда я была уже одной ногой на пороге.

Хотя на меня она по-прежнему не смотрела.

Не желая объяснений – сама не понимала, что делаю – быстро выскочила за дверь и почти бегом направилась к калитке. Возле неё меня и перехватил Грегори, бесшумно подбравшись со спины.

– Они? Ты чего?

– Ничего. Отпусти, пожалуйста. Мне лучше уйти.

Я не поворачивалась к нему и не делала попыток вырваться из объятий, но старалась голос держать ровным.

– Не обращай внимания на тётю Мёрли. Она со всеми девушками ведёт себя так.

Сначала я хотела возразить, что вовсе не из-за неё расстроилась и ушла. Но затем неожиданно для себя выдала мысль:

– Какие девушки? Ты же сделал мне предложение год назад! Ты что, всех домой водишь?

Дёрнувшись, я с лёгкостью выбралась из его захвата – Грегори и не держал сильно.

– Они, – ласково, как ребёнка, позвал он, – ну, зачем ты глупости выдумываешь? Я сам тут бываю раз в месяц. А девушки до тебя были. Ты же не станешь к прошлому ревновать?

На мой взгляд, ревность – это вообще пустое занятие. И все возникающие когда-либо подобные порывы я давила в себе. Впрочем, я и не ревновала в этот момент. Было неприятно, унижительно, обидно. Иллюзий о вечной любви и верности я никогда не строила, знала, что подобное случалось только в сказках. Но, покинув Криево, решила для себя, что больше не позволю считать себя той, чьё мнение не важно. Пусть Грегори не мальчик. Я уверена, что он давным-давно заимел опыт интимных отношений. В любом случае меня эти связи не должны касаться никоим образом, и тем более, унижать.

– Мне лучше уйти, – повторила я.

– Хиония, ты не веришь мне?

– Грегори, я боюсь наговорить лишнего. Пусти меня.

Он больше не стал препятствовать. Как и способствовать. Зная, что у меня нет средств на повозку, а путь предстоял неблизкий, он ничего не сделал. Ни одолжил монет, ни проводил до академии. Я совсем не понимала, что с ним произошло. Где хотя бы минимум заботы и уважения? Неужели в дни моего плена что-то изменилось? Выяснять отношений не стала. Да, больно и обидно, но это не самое страшное, что я когда-либо переживала.

К счастью, до академии добралась без происшествий, если не брать в расчёт массовое узнавание своей личности и постоянные вопросы: «Вы уже нашлись?». У ворот я долго убеждала привратника пропустить меня. Действительно, все, кто имел возможность прожить несколько дней вне стен академии, практически принудительно отправились туда. Остальным же, не имевшим больше никакого жилья, допускалось занимать свои комнаты только с разрешения ректора, после изучения им личного дела. Это довольно странно, но, учитывая работы по защите всей территории, оправдано. В общем, до постели я добралась только к вечеру, когда солнце уже наполовину скрылось за горизонтом, благо из моего окна открывался вид на запад. Исмины не было, хотя дверь оказалась не запертой. Искать, как и дожидаться подруги, я не стала. Быстро ополоснувшись, натянула свою самую тёплую пижаму и улеглась в постель. Этот день выдался слишком долгим и сложным.

Глава 3

Мой беспокойный сон был прерван настойчивым стуком в дверь. Покосившись на кровать Исмины, отметила, что соседка не ночевала в комнате. Удивительно, конечно, ведь настолько я знала, у неё нет родственников или хороших знакомых в Эльпиде. Хотя раньше она возвращалась довольно поздно и никогда не рассказывала, как ей это удавалось – пробираться на территорию академии после отбоя. А мне подобное знание было ни к чему. Видимо, уже что-то сделали с защитой, раз этой ночью подруга не смогла повторить свой трюк.

Визитёр вновь напомнил о себе, нетерпеливо колотя в дверь. Нехотя я поднялась с кровати и, потянувшись, пошла открывать. В коридоре обнаружилась Альма, белокурая первокурсница с умильным вздёрнутым носиком, который она совала во все места.

– Я уже думала, что мне все утро тут стоять придётся! – капризно заявила она.

– Чего тебе? – не стала обращать внимания на её выпад.

– Тебя к воротам просят, – сообщила Альма.

Всем видом она выражала нетерпение рассказать подробности, будто ждала от меня уточняющих вопросов. Её желаний я не утолила, лишь коротко ответила:

– Скоро буду.

Не скрывая разочарования, девушка кивнула и, почти припрыгивая, поспешила удалиться. Скорее всего, она не останется без благодарных ушей. Но именно так и вникали в жизнь академии все первокурсники. Когда-то и я вместе со всеми первогодками занималась «побегай-сделай» или так называемым дежурством по академии. Надо признать, подобная система оправдывала себя. Чувство всезнания всего творящегося не только на своём курсе и факультете, но и на всех остальных, придавало какую-то внутреннюю уверенность, причастность ко многому.

Проводив Альму взглядом, я со вздохом прикрыла дверь и принялась за сборы. Кем бы ни был ожидавший меня, заставлять себя долго ждать я не привыкла. И потому утренний туалет включил в себя самый минимум. Уже покинув комнату, вспомнила, что забыла причесаться, но возвращаться не стала. Влажные волосы, заплетённые с вечера в тугую косу, в принципе, сохранили почти опрятный вид, а выходить в город я не собиралась.

Визитёр удивил своей персоной. Им оказался Грегори. Я, вообще, не старалась гадать, кто ко мне пришёл, но увидеть жениха никак не ожидала. И потому перед воротами опешила и остановилась. Я ещё не обдумала произошедшее вчера и не знала, как себя вести. Намеренно ли оскорбил меня жених невниманием, или это вышло случайно – не важно. Значение имели лишь причины, которых я не находила, а без них как-то сложно принимать решения.

Грегори с огромным букетом в руках, увидев меня, просиял. Неосознанно улыбнулась ему в ответ.

– Вы либо проходите, либо уходите, – пробурчал привратник, – я тут не вас сторожить поставлен.

Смутившись, я подошла к жениху. Молча приняла букет, но от поцелуя увернулась.

– Прогуляемся? – спросил он, тут же беря меня за руку.

Я заглянула в его глаза, ставшие такими родными, и уже хотела согласиться, но лишь забрала свою кисть и отрицательно качнула головой.

Мне почему-то вспомнились последние дни. Казалось, что они были далёкими и частично смазанными, да и вообще, будто не со мной все происходило, но одно помнила точно – я волновалась. Не за себя, о Грегори. Думала, он с ума сходит, переживает обо мне. Конечно, я не хотела, чтобы он на самом деле испытывал подобное. Но и такое спокойное отношение, будто ничего не случилось, обижало. И, возможно, если бы не вчерашняя выходка, я бы нашла всему оправдание.

– Слишком много пропустила, мне нужно наверстать, – отговорила.

– Я узнавал, у вас непрерывная практика, и никто не пустит тебя в лаборатории в выходные, – настаивал он.

– Нет, Грегори, я не хочу гулять.

– Со мной или вообще? – агрессивным тоном спросил жених.

Показалось, что любой мой ответ приведёт к ссоре. Раздора на пустом месте я не желала. Глупо рушить все так.

Вернув букет, я развернулась и почти бегом устремилась на территорию академии, куда у Грегори не было допуска.

– Хиония? Стой! – оторопело крикнул он.

Я даже не обернулась.

Обида все сильнее закипала во мне. Хотелось простой заботы, которую, по сути, я получала только от дедушки. Но его давно нет, да и мне уже не шестнадцать. Он учил никогда не жалеть себя, как бы тяжело ни было – только к сильным судьба благосклонна. И всегда подкреплял своё утверждение нашей встречей, мол, не будь мы оба крепкими, ни за что бы не узнали друг друга. Вряд ли дело в каких-то личных качествах, мне просто повезло не пропасть, и за одно это я бесконечно благодарна господину Ласви.

– Хиония! – пытался докричаться Грегори.

– Я буду сильной, – прошептала самой себе, решая избегать встреч с женихом, пока не улягутся собственные эмоции.

...Где-то на грани интуитивного сознания была сделана заметка, что этот молодой человек не надёжен в беде, на него нельзя положиться, и не стоит ждать от него чуткого обращения, но любящее сердце перечеркнуло выводы и закинуло их подальше...

Вернувшись в комнату, я все же привела себя в нормальный вид, попутно отметила, что часть моего гардероба от-

существовала.

Мне, действительно, следовало найти декана, чтобы договориться о кратких практических работах по пропущенным темам.

Конец семестра, как и года в общем, включал в себя подробное изучение ядов.

Каждый зельевар с соответствующим даром обладал способностью не только к выработке антидота в своём организме при употреблении минимальной дозы яда, но и «запоминал» его. Впрочем, эффект «памяти» относился к любому составляющему зелья. В будущем, столкнувшись с изученным снадобьем, ядом, настойкой, травой или порошком, зельевар безошибочно определял состав, принцип воздействия и противодействия, если оно необходимо. Именно так я когда-то сварила своё первое зелье, спасшее жителей Криво. На самом деле это был простой отвар от простуды, и потому у меня так легко все вышло.

Но существовали вещества, которые не встречались в обычной жизни, и, соответственно, распознать их, не изучив заранее, не удастся.

Конечно, практически к каждому яду заранее подбирался антидот, на случай нехватки «памяти» у студента или определённой чувствительности к составу. Но в зельеварах ценилась именно природная приспособляемость. Нарботанный практический опыт.

Хотя кроме этого огромное значение для успешной карье-

ры и солидной репутации имела также общая эрудированность. Зельевар – это универсальная профессия, охватывающая практически все сферы жизнедеятельности человека. Более узкое направление задавал наставник или структура, у которых проводилась стажировка. Но диплом стажёра ещё следовало получить. А при моей средней успеваемости... в общем, найти декана нужно было срочно.

Поиски заняли немало времени. Оказывается, в работе по усовершенствованию защиты академии участвовали все факультеты, и наш не стал исключением. Профессор Биккель не выдал удивления, увидев меня, но и радушия не выразил. Отговорившись занятостью, он попросил напомнить о себе, когда начнутся занятия. Увы, без его одобрения, к остальным преподавателям обращаться не было смысла, в лабораторию меня никто из них не допустил бы.

Решив провести эти дни за изучением теории, я направилась в библиотеку. Конечно, хотелось провести свободное время за общением, пусть не с близкими, но друзьями, а не за книгами. И возможно, я бы так и поступила, если бы все беседы не сводились к вопросам о моем внезапном исчезновении.

Из немногочисленных встреч со знакомыми узнала, что настоящую панику поднял Демис, а не Исмина, как я предполагала ранее, или Грегори, хотя от него подобного и не ждала. Наверное, стоило поблагодарить друга ещё раз, но искать его для этого просто постеснялась. Пусть негласно он

заменял мне старшего брата, с каждым годом мы всё больше отстранялись друг от друга. Если раньше я могла без проблем заявиться в его комнату, чтобы сделать уроки или просто посидеть и поговорить с другом, то уже через несколько месяцев не позволяла себе подобного. Почему-то казалось, что навязываю своё общество ему, а Демис не настаивал на нём. Мы никогда не ссорились, и это довольно-таки странно. Хотя, быть может, некоторое расстояние в наших отношениях и не давало начать их выяснение?

– Хиония! – отвлёк меня от мыслей окрик Альмы.

Я остановилась и подождала её, думая, зачем могла понадобиться в этот раз. Наверное, Грегори снова пришёл, если он вообще отходил от ворот. Не хотелось гонять девочку, как и встречаться с женихом.

Альма приблизилась с самым недовольным видом, и даже не пыталась этого скрыть.

– Тебя в управление порядка вызывают, – хмуро сообщила она.

– Сейчас? – от неожиданности переспросила её.

– Давно уже, я не смогла тебя сразу найти.

– Спасибо, Альма, – кивнула ей, и тут же направилась к воротам.

– Не туда, – остановила первокурсница, – портал в приёмной ректора.

Она заинтересовано посмотрела на меня. На её лице прямо-таки читался вопрос.

– Ты из наследниц, что ли? – спросила Альма в лоб. – Никогда бы не подумала.

– Я тоже, – только и буркнула в ответ.

Развернувшись, поспешила в учебный корпус. Мне и самой не было понятно, зачем нужен портал, если можно обойтись и без него.

Некоторое время Альма следовала за мной, практически дыша в затылок. Она раздражала, но, понимая её любопытство, я ничем не выказывала своё недовольство. Перед входом в корпус первокурсница свернула в сторону. Неужели ей было дано задание проводить меня? Отбросив размышления, я вошла в здание, где тут же направилась на второй этаж, в приёмную ректора.

Зная, что стук в дверь даже не услышат, зашла без предупреждения. Помещение после моего последнего визита не изменилось, все те же спокойные цвета в тёплой гамме, множество декоративных фонтанчиков, расставленных, где только можно, огромный стол секретаря, за которым саму госпожу Аппель практически не видно, и стойкий диван для ожидающих. Говорили, он бессменен со времён основания академии. Так ли это на самом деле, неизвестно, но за те почти пять лет, что я проучилась, диван выдержал все истерики нерадивых студентов, и как старожил, оставался на месте.

А вот сидящий человек меня смутил. Ведь это был Клаус. Увидев меня, он тут же поднялся и, взмахнув рукой, раскрыл портал. Промелькнула мысль, что с такими умениями недав-

нее вождение меня по коридорам управления чистой воды издевательство. Но я тут же осадилась – данное учреждение не место для постоянных перемещений в пространстве. Покосившись на госпожу Аппель, которая ничем не выдавала свою заинтересованность в происходящем, я прошла к порталу. Его еле заметное колебание не выдавало точки выхода, будто смотришь на то же помещение, только через толщу воды. И почему-то это вызвало во мне опасения. Впервые я видела такой переход, сотворённый человеком. Ранее знавала только стационарные порталы, творимые с помощью артефактов. Хотя в «древнем городе» я вовсе не заметила искажений пространства.

Видя мои сомнения, Клаус поторопился:

– Смелее, госпожа Ласви, дознаватель не привык ждать.

Я только усмехнулась его словам. Уж кто, а страж порядка всегда имел терпение, причём в избытке. Профессия обязывала.

Попытавшись отогнать ненужный страх, я сделала шаг внутрь портала, чтобы выйти не где-либо, а в дознавательской. В той же, в которой я была ещё день назад. Вот только на этот раз присутствовал только Джес Халти. Помня о правилах, отступила в сторону, чтобы освободить путь для Клауса, и это не осталось незамеченным.

– Наша беседа пройдёт наедине, Хиония, – сообщил дознаватель. – Ты же не против такого обращения?

Растерявшись, я только мотнула головой, вроде бы согла-

шаясь со стражем.

– Вот и хорошо, – он почти улыбнулся. – Можешь снять верхнюю одежду, у нас достаточно тепло.

Послушно сняла с себя короткий плащ, в который была одета. Быть может, страж и вправду проявлял заботу, но я услышала другой смысл фразы – мне придётся задержаться в управлении. Страх или возмущения не испытывала, скорее усталость. И, не скрывая этого, я уселась напротив Джеса Халти.

Перебрав какие-то бумаги, лежавшие на столе, дознаватель сложил пальцы в замок и расположил их поверх этих бумаг. Некоторое время страж внимательно смотрел на меня, а затем, будто не выдержав, устало потёр лицо.

– Хиония, – начал он, но тут же запнулся. – Я даже не знаю, с чего начать.

Молча дала ему возможность подобрать слова. Но казалось, что в любом случае они не порадуют меня.

– Так вот, – с некоторым воодушевлением сказал страж. – Никакого похищения не было, Хиония. Соответственно, и похитителя тоже.

– Но... – попыталась возразить, но не продолжила за бесполезностью этого занятия. – Что же тогда все это было? И где я провела десять дней?

– В день твоего исчезновения у зельеваров проходила практика, на которой в малой дозе всеми был принят яд «Явь». И ты, Хиония, в числе немногих, отказалась от при-

нятия универсального антидота, подписав соответствующий документ, – с этими словами дознаватель протянул мне один из листов, лежавших возле него.

Бездумно взяв бумагу, я пробежалась по ней глазами и признала, что почерк явно мой. Не всегда организм зельевара «запоминал» принятое зелье с первого раза, либо на «привыкание» требовалось значительно большее время. Чаще всего так происходило, если состав больше, чем наполовину, неизвестен. Поэтому нас с первых курсов принуждали пробовать все травки, порошочки и водички. Я никогда не пропускала занятий, ни теоретических, ни практических, и потому привычно подписывала отказ от антидота. Так было и в последний раз. Ведь, несмотря на все утверждения преподавателей, я оставалась уверенной во вреде принятия противоядий впрок. Тем более в приложении к диплому всегда записывались результаты практик, не только с оценочной стороны, но и с отметками о принятии антидотов после.

– Вы хотите сказать, что все это время я находилась под действием яда? – недоверчиво спросила стража. – Но это невозможно, даже не имея я иммунитета к нему. «Явь» воплощает в реальность сны. Понимаете? Я не могла самостоятельно покинуть постель, а затем и академию.

Улыбка дознавателя показалась мне снисходительной, она и заставила меня замолчать.

– Ты плохо слушала материал. Яд не просто воплощает сны в реальном восприятии, но и принуждает жить в нём.

Знаешь, «Явь» имела много названий, одно из них – «Свержение короля». Как думаешь, откуда оно взялось? Как ты догадываешься, с его помощью свергали монархов с трона, и не только в нашей стране. А как иначе, если внезапно венценосный творил жуткие, непотребные или безумные вещи?

Я не знала, что ответить стражу. Понимала, что он не врал мне, но и принимать его слова за правду не спешила. Не могло же все случившееся со мной быть только игрой больного воображения?

– Насчёт того, где ты провела эти дни, – продолжил страж. – Полагаю, ты, действительно, находилась в «древнем городе», а это место такие фокусы выбрасывает, что само твоё возвращение оттуда удивительно. И, кроме того, целителями было замечено некоторое искажение твоей памяти.

– Да, они что-то такое говорили, – не стала спорить с ним.

– Скорее всего, это последствия так называемой записи искажённых фактов в неё. Вернее, наложение ложных воспоминаний на существующие. Позже возможны «прорывы» настоящих деталей, но, скорее всего, полную картину прошедших дней ты восстановить не сможешь. Хотя, как понимаешь, я дознаватель, и в таких вещах не сильно разбираюсь. Но ты можешь обратиться к менталисту...

– Нет! – прервала я воплем, близкому к истеричному.

Добровольно на воздействие менталиста согласится лишь безумец или тот, кому уже нечего терять. И дело даже не в болезненном воздействии, а в том, что невозможно заставить

вспомнить определённый период жизни, воспоминания идут потоком. При этом они не просто сменяют друг друга картинками прошлого – жизнь проходит заново, со всеми чувствами.

– Я так и думал, – спокойно произнёс дознаватель.

– Одного не понимаю, почему именно вы рассказываете мне обо всём? – тихо спросила его.

– Смекаешь? – полуутвердительно заметил страж.

На миг его лицо озарилось улыбкой, а затем приняло серьёзное выражение. Вновь положив сомкнутые в замок пальцы на стол, дознаватель уставился на меня непроницаемым взглядом.

– Мы проверили браслет, который ты вчера дала нам. И пустой была лишь бусина с остатками яда «Полёт». Понимаешь?

Заторможено кивнула. Конечно, я понимала, к чему он клонил.

– Но я ведь...

– Как я уже говорил, зелья и тому подобное – не самые известные мне вещи. Но очевидно, что без антидота тот несчастный не выжил. Все остальные бусины полные, Хиония. Ознакомься, – он протянул мне какие-то бумаги, но я не нашла в себе сил взять их.

Вздыхнув, страж встал со своего места и подошёл ко мне.

– Смотри, – сказал он, положив листы передо мной. – Цвет и размер бусин, состав и количество содержимого.

Я прочла. И всё, действительно, было так, как сказал дознаватель. Кроме яда, ничего не тронуту, что заметно даже по иглам, описание которых тоже присутствовало.

– Но почему я помню все иначе? – спросила сдавленным голосом.

Ведь момент непосредственного введения антидота и ровный пульс мужчины отчётливо отпечатались в моей памяти.

– Мне это не ведомо, – ответил страж и, забрав бумаги, вернулся на своё место. – Тело погибшего пока не было найдено. Но ты же понимаешь, что это вопрос времени, не более.

Я не понимала. Ничего не понимала. Казалось, что все происходящее какой-то абсурд. Не могло же это на самом деле случиться со мной? Я убила? Более того, убила, когда сама находилась под действием яда? Это бред! Точно! И почему я раньше не обратила внимание на такие грубые нестыковки?

– Если бы я находилась под действием «Яви», то у меня наблюдалась бы горячка, сопровождающая избавление организма от яда! – воодушевлённо заявила.

– Хиония, не будь наивна, – только и сказал дознаватель. Тихо, но его слова словно накрыли неподъёмной тяжестью. Тут же в моей голове возникла вереница догадок. Обращение со мной, когда я пришла, целители, которых вызвали, не задавая вопросов о моем самочувствии, слова профессора Лангеля... Быть может, я и была глупа, но не такой сте-

пени, чтобы не осознавать своё бессилие в этой ситуации. Все решено без меня, и остаётся подчиниться этому. Идти наперекор поздно, да и бессмысленно.

Вздыхнув, я посмотрела на дознавателя.

– И что теперь?

– Теперь... у управления порядка нет оснований вмешиваться во внутриакадемические разбирательства.

– А как же?... – растерялась я, ведь ранее он говорил, что найти убитого только вопрос времени.

Сложив руки на груди, страж посмотрел на меня, как на неразумного дитя. Наверное, я таковым и являлась, раз сама не додумалась сразу, что студентка-убийца для академии гораздо нежелательней. Это ещё больший удар по хвалёной безопасности учебного учреждения.

Отодвинув листы, Джес Халти демонстративно взял в руки записывающую пластину и задумчиво посмотрел на неё.

– Я всё поняла, – произнесла почти шёпотом, осознавая, что наш разговор не просто записан, но и проведён в нужном ключе.

– Надеюсь на это, – многозначительно ответил дознаватель. – И ещё. Хиония, не стоит больше обворовывать своих друзей.

– О чём вы? – возмутилась я.

– О браслете, – невозмутимо ответил страж. – Это было экспериментальное изобретение вашего сокурсника, Демиса Рихтора. Около двух недель назад оно пропало из его ком-

наты, о чём он тут же сообщил преподавателю. И если бы ты внимательно изучила предоставленный документ, то увидела бы его имя, как предоставившего сведения о содержимом бусин.

Наверное, у меня неправильные ценности жизни, раз навет Демиса ударил сильнее, чем обвинение в убийстве.

– Ещё и воровка, – заключила я.

Видимо, что-то в моём голосе смогла повлиять на дознавателя, который выдал немного пояснений:

– Для него это было лучшим выходом.

Я непонимающе посмотрела на мужчину. Получается, и Демис не по своей воле скрыл правдивые обстоятельства? С одной стороны, это обрадовало, а с другой – стало стыдно перед однокурсником за то, что втянула его во все это, хотя и сама оказалась ввязанной, вопреки желаниям.

– С твоим женихом также была проведена беседа о том, где ты находилась, и что с тобой произошло, – сообщил страж.

– И что именно ему поведали? – с подозрением уточнила я.

Поведение Грегори было настолько неприятным, что я даже не хотела думать о нём.

– Он понимает, что, скорее всего, тебе не дадут диплом стажёра в этом году, и готов к этому.

– Готов к чему?

– Данный закон давно отменён, но благородные люди сле-

дуют ему, – стал пояснять дознаватель. – У тебя нет семьи, насколько всем известно, и потому частично ответственность за тебя ложится на плечи жениха. Он не имеет права оставить тебя в трудной жизненной ситуации. А без диплома...

– То есть это уже решённый вопрос? – перебила я.

Он не ответил, лишь виновато развёл руками. Выдохнув, постаралась собрать всё своё самообладание. Самого плохого мне удалось избежать, и это главное. Не в том я положении, чтобы возмущаться. Нет, конечно, можно было попытаться устроить скандал, позвать газетчиков и рассказать о несправедливости. Но против меня уже собраны улики, да и академия пользуется расположением самого короля. Возможно, не будь этих загадочных наследников и скорых выборов монарха, все обошлось бы куда проще.

– Господин Халти, могу ли я быть уверенной, что подобного со мной не повторится? Ведь, как я понимаю, похитителя никто искать не станет?

– Не было ни похитителя, ни похищения, – настаивал страж. – И убедительно советую никогда не рассуждать иначе.

Привычка соглашаться с несправедливостью воспитана во мне как никакая другая, и потому я даже не попыталась спорить.

– Ты хорошо себя чувствуешь? – внезапно спросил дознаватель.

Я непонимающе посмотрела на него. С чего бы мне плохо себя чувствовать?

– Воды или целителя не нужно? – продолжал он.

– Нет, не нужно, – ответила ему и слегка улыбнулась, уже догадавшись о причинах его беспокойства.

Я не плакала, не закатывала истерик, не сыпала угрозами, и для стража такое поведение показалось странным. Естественно, объяснять свою внешне спокойную реакцию не стала.

– Что ж, – после некоторого молчания заговорил дознаватель, – у меня больше нет к тебе вопросов. Можешь идти.

Не успела я спросить, самой ли мне добираться, как возник портал. Кивнув стражу на прощание, уже безо всякой опаски вошла в подрагивающее марево. На выходе меня ожидал Клаус, который улыбнулся, как мне показалось, ободряюще, и покинул академию. Госпожи Аппель в приёмной уже не было.

Уже без прежнего энтузиазма я всё-таки решила добратсья до библиотеки. В то, что меня могут выгнать из академии за полтора месяца до конца обучения, не верилось. Как и в то, что диплом стажёра не светит мне, и эти пять лет были потрачены зря. Знания получены, но применить их без наставника невозможно. Незаконно, по сути. А без диплома стажёра не примет ни один наставник, им недосуг обучать азам или иметь проблемы с нерадивыми практикантами, которые не смогли закончить академию. Тем более всё чаще

наставники брали по пять-десять стажёров, выпуская от себя специалистов через два-четыре года. И выбирали всегда лучших. Тем же, кто не проходил по каким-либо критериям, диплом стажёра служил билетом на получения стажа в государственных учреждениях, в зависимости от дара. Минусами такой стажировки были: фиксированный пятилетний срок, отсутствие индивидуальных занятий, соответственно, недоступность каких-либо секретов профессии, коих у наставников завсегда имелось в излишке. Но, в общем, на выходе между специалистами не замечалось сильных различий, и место прохождения стажировки редко влияло на успешность в будущем.

А как быть без диплома, я не представляла. Да и не хотела даже предполагать. Все эти годы я только и делала, что стремилась исполнить свою мечту – стать зельеваром, независимым специалистом, хозяйкой своей жизни. И мне оставалось совсем немного – получить диплом и пройти стаж в два-три года, ну, максимум пять, если не повезёт. Но первый пункт важнее, ведь уже после этого я смогла бы зарабатывать, обеспечивать себя и с полной уверенностью знать, что исполнила обещание, данное брату.

Выходя из библиотеки, я столкнулась с Демисом. Уже хотела привычно улыбнуться ему и поздороваться, но он поспешил уйти, будто и не знаком со мной вовсе. Лишь усилием воли я не заплакала. Неприятно, когда обвиняют в том, чего не совершала, обидно, когда не можешь этого оспорить,

но терять друзей во сто крат больше. Именно это я ощутила, когда поняла, что общаться, как раньше, мы с Демисом никогда больше не будем. Успокаивать себя ложными надеждами, будто все станет по-прежнему, посчитала неуместным – уже не маленькая девочка, верящая в чудеса.

В комнате меня поджидала Исмина. А я рассчитывала не видеть её вплоть до учебных дней.

– Ну, где ты бродишь? – накинулась она, как только я переступила порог.

– В библиотеке, – буркнула в ответ, закрывая дверь ногой.

– Вот не сидится тебе, – проворчала подруга, залезая в шкаф.

Тут же оттуда полетели вещи. По-другому выбирать наряд Исмина не умела. Сгрузив учебники на стол, я уселась на стул.

– Знаешь, я бы на твоём месте давно все бросила, – в очередной раз наставляла она. – Вот зачем тебе эта учёба? Вышла бы замуж, родила бы детишек и ходила бы на приёмы! Ты невеста уже целый год. Это же неприлично много в твоём возрасте!

– Ты не на моем месте, – так же, в очередной раз, ответила ей.

Исмина, вообще, часто любила рассуждать о чём-либо, начиная со слов «я бы на месте...».

– Нет, ну, ты скажи мне, зачем усложнять? Тебе все легко даётся, а ты носом вертишь! – настаивала подруга.

– Исмина, успокойся, – попыталась я прервать её поучения.

Повернувшись, она сверкнула на меня глазами и, достав что-то из кармана, кинула мне под ноги.

– Держи! Надоело уже почтальоном работать! Как будто у нас первокурсников нет!

Я только пожала плечами и подняла записку от Грегори. Ничем другим это быть не могло. Но раскрывать и читать послание не спешила.

– Вы поссорились, что ли?

– Нет, мы не ссорились.

– Тогда почему ты сама к нему не вышла?

– Я выходила, но затем меня потребовали в управление, – немного соврала ей.

Делиться своими переживаниями с Исминой бессмысленно, снова прозвучит «я бы на твоём месте...», и ничего по существу.

– Да? И что тебе там сказали? – спросила подруга, вновь закапываясь в шкаф. – Кстати, где ты была-то? Тут Демис такую панику поднял, что Грегори пришлось тоже об вознаграждении объявлять, иначе пошли бы слухи, будто ему плевать на невесту, а какой-то чужой парень о тебе волнуется.

– В «древнем городе» – ответила ей, а сама задумалась об услышанном.

От мысли, что собственный жених проявлял меньше участия в беде, нежели друг, стало неприятно. Хотя теперь у ме-

ня и друга не было.

– Ты как туда попала-то? И как выбралась? Мне такие ужасы рассказывали, будто там неведомые чудовища бродят и жрут всех забредших!

– Это сказки, Исмина. Нет там никаких тварей, – ушла я от вопросов. – Там, вообще, никого нет. Только развалины.

– Все равно жуть, – она передёрнула плечами.

– А ты куда собираешься? – поинтересовалась я, заранее радуясь её скорому уходу. Все же без Исмины намного тише.

– На свидание, конечно! – не поворачиваясь во мне, ответила подруга. – Мне пообещали знакомство с очень перспективным мужчиной. Он из убеждённых холостяков, но, думаю, я смогу изменить его взгляды. В крайнем случае стану официальной любовницей.

– Гадость, Исмина! – возмутилась я.

– А что такого? – невинно отозвалась она. – Сейчас и при жёнах любовниц имеют, но этот-то холостяк.

– Но ты же ещё не знаешь его! Вы незнакомы даже!

– Ой, оставь уже свою убогую святость! С ней счастливо не проживёшь!

Померившись с подругой взглядами, я отвернулась. Исмину ничто не исправит. Как и меня, впрочем.

Посмотрев на часы, подруга невнятно взвизгнула, сгребла в охапку практически все выкинутое из шкафа, кроме красного платья, и закинула в шкаф. Облачившись в эту вульгарную тряпку, она покрутилась перед зеркалом гораздо мень-

ше обычного и буквально упорхнула, сообщив напоследок, что, скорее всего, вернётся только завтра.

Я лишь покачала головой. Слишком Исмина легкомысленна и неосторожна. Но вряд ли она сама поймёт это без хорошего пинка от жизни.

Оставшись одна, я развернула послание Грегори. Хотя, признаться, и не вспомнила бы о нём, не держи его в руках.

«Хиония! Сердце моё! Я так виноват пред тобой, что даже не ищущ себе оправданий. Прости глупца, влюблённого в твои прекрасные глаза и покорённого твоим нежным голосом!»

Дочитав последнее слово, я разорвала записку на мелкие кусочки. Почему-то послание вызвало раздражение каждой буквой. Грегори писал так, будто ничего не произошло. Да и сами извинения... Он явно не понял причин моей обиды, и, значит, не увидел своих ошибок.

Ох, как я хотела вернуться на несколько дней, где не было похищения, подвала, похитителя и всего остального. Где я знала, что меня ожидает на следующий день. Где имела любящего заботливого жениха, отзывчивого друга и все ту же Исмину. Наверное, только она и оставалась неизменной, несмотря ни на что.

Но моё желание было неисполнимо.

Окинув комнату взглядом, я наткнулась на шкатулку, стоящую на столике возле зеркала. Он занимал приличную площадь и без того небольшого помещения, но подруга на-

стаивала на его необходимости. Предмет же, привлёкший меня, напомнил то, о чём я совершенно забыла за всеми событиями. Серьги и браслет, подаренные Грегори в знак его серьёзных намерений, когда он сделал мне предложение, все эти дни покоились в шкатулке. Я не могла спать с украшениями и потому на ночь всегда их снимала. Так же поступила и накануне похищения. И благополучно забыла до недавнего момента. Быть может, жениха расстроило именно то, что на мне при встречах с ним не было серёг и браслета? А в управлении я даже не попыталась узнать об их судьбе, когда зашла речь о моих вещах. И ведь Грегори никогда не скажет, чем недоволен, лишь будет молча хмуриться. Так было, когда он приревновал меня к сокурснику, решившему неудачно поухаживать прямо на глазах у жениха, или же когда я опаздывала на свидания.

Своими размышлениями дошла до того, что осталась виноватой во всём сама. И эта мысль разозлила. Почему я всегда всех оправдывала или искала причины их поведению в то время, как мне самой не доставалось ни капли понимания и заботы?! Привычка или непозволительная глупость? Но могла ли изменить это в себе?

Самокопания, возможно, довели бы в тёмные дебри обиды на всех и вся, если бы их не прервал стук в дверь. Так настойчиво могла тарабанить только Альма. И я не ошиблась.

– Вы по адресатам разделились, что ли? – спросила её, не дав открыть рот первой.

– Нет. Мне просто так «везёт». Половина курса по домам отправлена, – хмуро ответила она. – Тебя на вахту просят.

Хорошо, что не к воротам. Встреча с Грегори в моём состоянии чревата ссорой.

Переодеваться или как-то прихорашиваться я не стала. И вновь Альма провожала меня, только на этот раз она шла впереди.

Вахтёрша, обычно равнодушная к посетителям, была необычайно воинственной. Я же, увидев посетителей, несколько растерялась. Алоиз и Эрих мои сокурсники, но тесно мы никогда не общались.

– Вы ко мне? – уточнила у парней.

– Да, – ответил Эрих.

– Нам нужно что-то сказать тебе, – пояснил Алоиз.

– Если это «что-то» плохое, то давайте завтра, – устало проговорила я.

– Нет, – Алоиз мотнул головой, – не плохое.

– Ну, так говорите.

– Не здесь, – сказал Эрих, взглядом указывая на так и не ушедшую Альму.

Что же, он прав. Известное первокурснику – известно всей академии.

Выйдя на улицу, я вспомнила, что забыла свой плащ в управлении порядка. Видимо, придётся посетить его ещё раз. Нельзя разбрасываться вещами, не имея какого-либо заработка. Конечно, дедушка, будто чувствовал свою близкую

кончину, открыл счёт в банке Эльпиды на моё имя, и многочисленные родственники не смогли до него добраться. Но сумма не была настолько велика, чтобы позволять себе разбрасываться средствами.

Алоиз, заметив, как я вздрогнула от холода, не принимая возражений, накинул мне на плечи свой пиджак. Мы добрались до вишнёвой аллеи, которая ещё не успела порадовать своим цветом, со множеством скамеек. Сидеть на них пока не позволяла прохладная погода, и потому все они пустовали. Мы остановились возле той, что находилась почти в центре. Парни нагло уселись на спинки скамеек, я же осталась стоять перед ними.

– Так что вы хотели сказать? – спросила, поёжившись от вида Алоиза в одной рубашке.

– Ты только пообещай громко не визжать, – потребовал Эрих.

– С чего бы это? – удивилась я.

Никогда особой эмоциональностью не отличалась, во всяком случае, в таких проявлениях, как визг и прочая несдержанность.

– А с того, что мы дарим тебе пропуск на ежегодную встречу всех именитых зельеваров! – торжественно заявил Алоиз.

Пока я обдумывала его слова, он встал, подошёл ко мне и порывлся в кармане пиджака, накинутого на меня. После чего вручил конверт с серебристыми вензелями «В» и «З»,

обозначающие «Великие Зельевары». Да уж, такое плохим нельзя было назвать точно! Встреча мастеров, где они делились последними наработками, секретами и просто общались друг с другом. Не всякого стажёра приглашали на это мероприятие, не то, что студента.

– Вы шутите? – все ещё не веря в столь щедрый подарок, спросила сокурсников.

– Ни в коем случае, – серьёзно ответил Эрих. – Ты единственная девушка-зельевар не только на нашем потоке, но и во всей академии. Тебе будет сложнее найти наставника. Но с этим, – он указал на конверт в моих руках, – ты получишь весомое преимущество.

Слова о наставнике несколько ухудшили моё настроение. Без диплома не стоило даже пытаться найти кого-то. Вздохнув, я уже протянула руку, чтобы вернуть конверт, но сокурсники, очевидно, разгадали мои намерения.

– Отказ не принимается! – заявил Алоиз. – Приглашение именно!

– Но как вы?.. – пробормотала, вытягивая карточку из конверта. – Признавайтесь, это розыгрыш? Я бы ещё поняла, если бы вы достали обычный пропуск, но это!

На приглашении, действительно, было красиво выведено «Хиония Ласви».

– Не мы это, – хмуро ответил Эрих. – Но даже не спрашивай, кто! – предупредил он.

– Что за секретность?

– Хиония, нас попросили – мы передали, – примирительно сказал Алоиз. – Но от себя скажу, такие подарки не отвергают. Хорошие знакомства дорогого стоят.

Возразить было нечего, сокурсник прав тысячу раз.

– А чтобы ты не передумала, – вставая, проговорил Эрих, – мы заберём это на хранение, – он ловко выхватил конверт из моих рук и положил в свой нагрудный карман.

– Но... – растерялась я.

– Мы тоже туда идём, – заверил Алоиз. – Так что первого будь готова к шести вечера. Одежда скромная и удобная. Если повезёт, поучаствуем в экспериментах.

– А кто ещё будет из наших? – спросила, надеясь узнать имя щедрого дарителя.

– А мы не знаем, – ответил Эрих, всем видом показывая обратное.

Поняв, что ничего не добьюсь своими вопросами, а также заметив, как руки Алоиза покрылись мурашками, я поспешила закончить разговор.

– Спасибо вам, ребят! Я, пожалуй, пойду, – сказала и, стянув пиджак, протянула его хозяину.

– Накинь обратно, – возразил он строго.

– Тут недалеко, а ты замёрз, – настаивала на своём.

Покачав головой, Алоиз забрал пиджак и снова накинул на мои плечи. Так же, вдвоём, сокурсники проводили меня обратно. По пути ненавязчиво поинтересовались, не нужна ли помощь с чем-либо. Я ответила отрицательно, не задумы-

ваясь. Вполне возможно, что вопрос не был искренним, и сокурсники действовали по воле неизвестного. Не хотелось их обременять лишней раз. Ещё раз поблагодарив ребят, я распрощалась с ними и вернулась в комнату. Оставалось надеяться, что больше никто не побеспокоит меня.

Странно, но чаяние моё сбылось. Даже Исмина, как обещала, не вернулась ни вечером, ни ночью. Я могла только догадываться, как она проводила это время. Но не мне быть ей судьёй.

А вот утро снова началось со стука.

Засидевшись с книгами допоздна, просыпалась я очень тяжело. Сделать вид, будто меня нет в комнате, не удалось. Все двери жилых корпусов зачарованы так, что открывать их могли только хозяева комнат, но существовали и универсальные ключи, хранившиеся в неведомом мне месте. Использовались они крайне редко. Услышав скрежет после недолгого затишья, я заинтересовано посмотрела на дверь.

Кстати, как Демис смог обнаружить моё отсутствие тогда, когда я пропала? Без Исмины он не мог войти в комнату. И ведь уже не спросишь.

На пороге комнаты стояла дежурная по вахте. Как я ни силилась, не смогла вспомнить её имени. Кажется, она не так давно устроилась на это место. Из-за её плеча, чуть припрыгивая, выглядывала Альма. Кажется, она даже разочарованно вздохнула, увидев меня в постели.

– Ну, и чего панику подняла? – обернувшись к первокурс-

нице, спросила вахтёрша. – Или с поста меня отвлечь решила? Учти, замечу нарушение, первой отвечать будешь, – с этой угрозой она развернулась и ушла, оставив нас с Альмой недоуменно переглядываться.

– К воротам, – недовольным голосом сообщила она.

Я полагала, что первокурсница уйдёт, но та с ожиданием уставилась на меня.

– Что ещё? – спросила её, блаженно потянувшись.

– Там газета пришла, – неуверенно проговорила она.

– Как понимаешь, я её не читала.

– Там о тебе написали.

– С собой взяла? – я буквально подскочила с кровати.

– Нет, – виновато ответила Альма. – Я пойду, предупрежу, что ты скоро выйдешь.

И прежде, чем я успела сказать хоть что-то, она захлопнула дверь.

– Весело день начался, – проговорила вслух и ещё раз потянулась, но уже стоя.

Столкнувшись с проблемой отсутствия верхней одежды, я, немного подумав, схватила пальто Исмины. Великовато, но выбора особого не было.

За воротами стоял Грегори. Заметив его взгляд, скользнувший от головы до рук, убедилась в своих предположениях насчёт украшений. И ведь снова забыла о них.

– Прости, – подойдя, сказала ему, – собиралась в спешке.

Сначала на его лице возникла оторопь, а затем он игриво

улыбнулся.

– Прогуляемся? – предложил Грегори.

И снова я испытала разочарование, но все же согласилась, только предложила идти в управление, все равно плащ нужно было забрать. При этом настояла на пешей прогулке, хоть Грегори и возражал.

– Мне рассказал дознаватель, а сегодня написали в газетах о тебе, – после недолгого молчания заговорил он. – В общем, будь уверена, что я не оставлю тебя.

– О чём ты? – заинтересованно посмотрела на жениха.

– Твой дар... он дал сбой, поэтому ты не справилась с ядом, – удивил меня Грегори. – Но мне плевать, есть он или нет, – тут же поспешил он заверить. – Главное, чтобы с тобой все было в порядке.

– Я не понимаю тебя...

– Они, – остановившись, он развернул меня лицом к себе и обхватил его ладонями, – отрицанием ты лишь обманываешь себя. Не нужно. Такое, действительно, случается редко, но жизнь все равно продолжается.

Не дав мне времени на ответ, да что там, даже на обдумывание его слов, Грегори склонился и нежно коснулся губ поцелуем. Я не откликнулась на него, сначала просто растерялась, а затем прочувствовала смысл недавно сказанного.

Всем преподнесли историю так, что и виноватых, в общем-то, нет. Никто и не подумает обвинять природу в её капризах. Дар дан ею – она же имела право забрать его обратно.

Но по всему выходило, что диплома не увидеть мне никак. Академия не имеет права выдавать его потерявшим дар. И пусть у меня не убыло ни капли, официальную информацию должны подтверждать действиями.

– Меня просто выгонят из академии, – прошептала, как только Грегори отстранился.

Его моя реакция явно не порадовала.

– Они...

– Нет, ты не понимаешь! – я скинула его руки с себя.

– Успокойся! – не громко, но тоном, не терпящим возражений, потребовал жених. – Вокруг люди.

Растерянно осмотревшись, признала его правоту. На нас с интересом поглядывали прохожие, выдавая узнавание. Стало неловко. От внимания, сочувствия во взглядах, вынужденного вранья.

– Пожалуй, не стоило идти пешком, – проговорила виновато.

– Ничего, – ответил Грегори, обнимая за плечи, – скоро все забудут о тебе.

Я только слегка кивнула.

Дальнейший путь мы продолжали в повозке, и прошёл он практически под монолог Грегори, я лишь изредка соглашалась с ним. Мыслями же была далеко.

Призрачная надежда на яркое, успешное и независимое будущее ускользала все явственней. Кто я, если все признают отсутствие дара во мне? Девочка, сбежавшая из Кривево, не

более. Никем не востребованная, бесполезная... такая же, как и шесть лет назад.

И как же жизнь жестока, раз дала возможность познакомиться с именитыми мастерами, будто хотела подразнить, показать, чего я лишалась.

– Приехали, – угрюмо сообщил Грегори.

Видимо, мой настрой передался и ему.

В управлении мы пробыли недолго. Забрав плащ, я сразу же надела его, передав Грегори пальто Исмины.

Когда мы уселись в повозку, жених приобнял меня и прошептал:

– Прекращай хмуриться. Все будет хорошо.

Натянуто улыбнулась и постаралась взять свои эмоции под контроль.

– Может, ко мне? Отец сейчас дома. А вам пора познакомиться, – предложил Грегори.

– Прости, но не сегодня, – ответила ему. – Тем более, я без украшений, и вряд ли это понравится ему.

– Да, ты права, – согласился он. – Завтра? – тут же спросил.

– Не обещаю, – ответила уклончиво. – Мне могут дать доступ в лабораторию, а навёрстывать много.

– Хиония, зачем? У тебя же...

– Мой дар не пропал! – резче, чем хотела, прервала его. – Совсем не пропал, – уже тише и спокойнее. – Я не могу все бросить в один момент. Неужели, ты этого не понимаешь?

Сжав губы, Грегори отвернулся.

Наверное, надо было извиниться. Но причин его обиды я не находила. И в своих словах не сомневалась. Ведь, действительно, не могла оставить зельеварение только потому, что так требовали обстоятельства и чужие наветы. В конце концов, это всего лишь страхи, возможности учиться меня ещё никто не лишил.

В молчании мы добрались до академии. Исполненная решимости и упрямства, я без каких-либо слов покинула повозку. Грегори не препятствовал.

Уже входя в комнату, вспомнила, что оставила пальто Исмины у жениха в руках. Надо повиниться перед подругой первой, иначе она все нервы вымотает за свою вещь. Парадокс: тряпки и побрякушки Исмина ценила, а себя – нет.

Глава 4

Учебные будни с головой окунули в своё течение. Вопреки опасениям, меня без проблем принимали на занятиях и даже дали доступ в лабораторию для отработки пропущенных практик. Правда, не мне одной, и только под присмотром преподавательницы, которая находилась на последних месяцах беременности. И пусть профессор Вилль никак не выказывала своего недовольства, нам было неловко злоупотреблять её свободным временем. Скорее всего, на это и рассчитывал декан. Зельеварам только волю дай, и они станут жить в лаборатории.

После дополнительных занятий я до вечера засиживалась в библиотеке. Уже не столько от тяги к знаниям, сколько от нежелания находиться в компании Исмины. С недавних пор подруга стала невыносима. Она влюбилась. В того самого перспективного мужчину, имени которого не называла мне. Но и без него я узнала о нём немало. Красивый, красивый и ещё раз красивый – это повторяла соседка через слово, иногда заменяя различными синонимами.

Сначала я пыталась поддерживать разговор, интересуясь, разглядела ли Исмина в нём что-то ещё, помимо внешности, но затем оставила это занятие. Подруга рассмотрела только обещанную перспективность, и ничего более. Но не это заставило меня избегать компании соседки.

Защиту академии, действительно, усовершенствовали. И лазейку, которой Исмина обычно пользовалась, благополучно закрыли. Кроме того, всех студентов заново провели через рамку аур. Но на этот раз запомненный слепок не просто служил пропуском на вход или выход. Как нам объяснили, если кто-либо из студентов будет отсутствовать на территории академии, то артефакт, доступный только преподавательскому составу, покажет его местонахождение. Возмущения студентов были прерваны угрозой полного запрета на выход за пределы академии без разрешения родителей или ректора, причём подобный пропуск действовал бы только раз. Никто не хотел лишаться нескольких свободных вечерних часов, и потому ропот утих. Не полностью, своё негодование студенты высказывали, но уже в узких кругах.

Были и те, кто винил в произошедшем меня. Новость, что мой дар стал исчерпывать себя, и потому я под действием яда покинула территорию академии, а затем десять дней провела в «древнем городе», стала известна всем. Большинство смотрело на меня с сочувствием, но встречались и осуждающие взгляды.

Исмина не скрывала своих упрёков, в открытую высказывая недовольства по ожесточению правил академии. Я старалась не обращать на неё внимания, но вскоре это стало невыносимым. Сначала порция восхищения её возлюбленным, затем стенания о невозможности с ним увидеться, потому что ему для встреч удобны поздние вечера и ночи. Ито-

гом её рассуждений были обвинения в мою сторону во всех возникших проблемах.

Больше никто не бросал мне укоров в лицо, но я буквально чувствовала себя лишней среди остальных. «Проблема...», «Без дара...», «А другие отдуваются...» – мерещилось отовсюду в обрывках случайно услышанных фраз.

Только зелья и книги в какой-то мере помогали избавиться от безумного желания закричать: «Все было не так! Я не виновата!». Лишь понимание, что ничем хорошим подобный поступок не закончится, останавливало меня.

С Грегори не виделась с того дня, как он провожал меня в управление. Целыми днями с утра до вечера я была занята и потому не покидала территорию академии, а жених не просил встреч. Расстраивало ли это меня? Скорее, да.

Невольно все чаще я задумывалась о том, что так же продолжится и в будущем: мои переживания останутся пустыми для Грегори. Хотя по сути других семейных отношений я не видела. Братья называли женские слезы «обычной бабской придурию». Да что там, если, насколько я знала, после моего рождения не прошло и двух месяцев как отец выгнал из дома всех кумушек, мешавших ему причитаниями, и мать взяла хозяйство в свои руки. Какие могли быть заботы у женщины, кроме удобства мужа и одобрения людей? Раньше я бы ответила, что никаких.

Раньше... пока не увидела другого обращения, пусть и не внутри семей. Но все же влюблённые пары нередко встреча-

лись мне. Поначалу было дико наблюдать трепетное отношение парней к девушкам. Сперва я думала, что это лишь первичные ухаживания. Только проучившись в академии год, поняла, что между людьми бывает любовь, не устанавливающая подчинение одного из партнёров. А затем, встретив Грегори, испытала и на себе это чувство. Но неужели я обманывалась? Не с Грегори, а вообще? Быть может, только до брака существовали ласка, забота и понимание? И чем он ближе, тем меньше оставалось нежных чувств?

Мы с женихом не обговаривали точную дату брака, я просила лишь дождаться получения диплома стажёра. И, при хорошем стечении обстоятельств, до этого события оставалось чуть больше месяца. А дальше... дальше я не знала, что меня ждёт.

Сидя в самом дальнем уголке библиотеки, мне удалось оставаться незаметной для остальных. И мой небольшой рост немало помогал в этом. Но он же был препятствием ко многим желаемым книгам – я не имела возможности дотянуться до них, даже встав на стул. Просить кого-либо помочь, по понятным причинам, и не пыталась. И без недавней истории часто становилась предметом насмешек, пусть и не злых. Но тогда Демис заступался за меня. Теперь же он стал совсем другим – чужим, далёким. Я не устаивалась и взгляда от него. И почему-то от этого было больнее всего.

Видимо, усталость ото всего оказалась слишком сильной, раз не удалось сдержать слёз. Обычно они лились тихо и в

подушку. Но тут я только и успела, что отодвинуть книгу, сберегая от влаги, и прикрыть рот рукой, приглушая всхлипы.

– И что здесь у нас? – раздалось неожиданно.

Застланным слезами взглядом не сразу смогла различить подошедшего ко мне. Им оказался Трой, зельевар, только младше курсом.

– Ой, это же наша бедняжка, – издевательски протянул он. – Снова дар подвёл, да?

Трой уселся прямо на стол, боком ко мне. Опасливо осмотрелась – возможно, кто-то и был за стеллажами, но я никого не увидела. А говорил парень громко, вряд ли это осталось бы без внимания.

– Знаешь, а ведь из-за новых правил я многого лишился.

Не желая веселить его ещё и вздрагивающим голосом, молча смотрела исподлобья.

– Но я пригляделся к тебе, – невозмутимо продолжал он, – и, думаю, ты можешь компенсировать пару вечеров. Жаль, что не больше. Ну, что имеем, – притворный вздох.

Трой с ожиданием взглянул на меня. Я, поражённая таким нелепым поворотом, несколько секунд оставалась в ступоре. Даже слёзы вмиг высохли.

– Ну, чего молчишь? – внезапно вспыхнул парень. – В десять жду возле входа общежития. И не вздумай не прийти. Последствия тебе не понравятся.

Спрыгнув на ноги, Трой засунул руки в карманы брюк и,

как ни в чём не бывало, направился к выходу.

Я все пыталась уловить шутку в его словах, не мог же он предлагать такое всерьёз. Мысли согласиться на его предложение, если можно так его назвать, даже не приходило. Но догонять Троя и объяснять ему это, естественно, не стала. Тут спохватилась, проверила уши и бросила взгляд на пустое запястье – с завидной регулярностью я забывала надевать украшения, подаренные Грегори. Как оказалось, очень опрометчивый поступок с моей стороны. Скорее всего, Трой побоялся бы связываться с чужой невестой. А если он ранее видел на мне серьги и браслет, то мог сделать совсем неверные выводы.

В спешке вернула книги на места, библиотекаря по вечерам не было, и поспешила в комнату. Мысленно поморщилась от скорой встречи с Исминой, но шага не убавила. Мне нужно было надеть эти украшения и не снимать их, чтобы никто больше не пытался приставать ко мне с глупыми приглашениями.

Но покинуть библиотеку не сумела. Неожиданно за несколько шагов до двери в неё вошёл Трой. И не один. Я не знала имён тех двоих, они не из зельеваров. Сначала я не придавала этой встрече значения и попыталась обойти компанию. Но меня перехватили за обе руки.

– Я тут подумал, – заговорил Трой, – мне нужен аванс, гарантия того, что ты придёшь.

– Пустите! – прошипела, уже понимая задумку парней.

– Отпустим, – крепче сжимая моё запястье, сказал один из дружков Троя. – Если пообещаешь быть послушной.

Я молча попыталась вырваться, но своими потугами лишь вызвала смех.

– Пустите! – крикнула изо всех сил, надеясь стать услышанной кем-то. – Помогите!

Взмах руки одного из дружков Троя лишил меня речи, губы будто склеило, и мне удавалось только мычать.

– Идиот, – заключил зельевар. – Возле библиотеки в это время нет никого. Да и вряд ли кто придёт на помощь к ней, – последнее слово он проговорил с пренебрежением. – Ладно, ведите её за стеллажи.

Я забилась ещё отчаянней. Но для них мои попытки вырваться были подобны трепыханию бабочки, пойманной за крылья.

Меня дотащили до центра библиотеки. Трой указал на один из столов, с которого уже убрал лампы, куда тут же уложили моё тело. Наверное, глупость, но я решила не показывать слёз, что бы ни произошло.

Два раза уже избегала принуждения, но, видимо, судьба настойчива в своих планах.

Когда Трой стал расстёгивать мои брюки, я уже не сопротивлялась. Смирилась. Быть может, и быстро, и нечем потом будет оправдывать себя, но бороться просто-напросто устала.

«Все равно потом брат убьёт меня», – пронеслась мысль,

от которой тут же мысленно рассмеялась.

Все эти годы я жила тем обещанием, убеждала себя, что брат каким-то образом следит за мной, и в случае неисполнения тут же покарает. Так было проще.

Трой на мгновение замешкался, но все же потянул брюки вниз.

– Что-то она спокойная, – с сомнением проговорил один из его дружков.

– Так даже лучше, – отмахнулся он. – Какая же она маленькая, – проговорил с непонятной для меня интонацией и провёл ладонями по ногам снизу вверх, пока не ухватился за резинку трусов.

Я оставалась неподвижна. Решение, принятое ещё в плену, неожиданно показалось самым правильным. Пусть делают со мной, что хотят, а затем я просто убью себя.

Просто... а просто ли это? Да, плевать!

Пусть все эти шесть лет я жила иллюзиями, нужно оставаться верной своим убеждениям. Иначе, все моё существование окажется бессмысленным. Нельзя предавать себя. И нужно держать обещания.

Прикрыв глаза, стала ожидать своей участи.

Наверное, правы были родители, считая меня никчёмной...

Руки всех троих исчезли одновременно.

Неужели, это такая жестокая шутка? Решили разыграть, чтобы потом насмеяться надо мной?

– Вставай, Хиония, – услышала знакомый голос прежде, чем открыла глаза.

Слух не обманул меня. Передо мной стоял сам ректор, профессор Остгорд. Я никогда не общалась с ним лично. Признаться, и не хотелось. Одним только видом он производил пугающее впечатление. И, казалось бы, ничего такого, обычный мужчина, разменявший пятый десяток лет, но взгляд абсолютно чёрных глаз устрасал на подсознательном уровне. К тому же, ректор был менталистом, а такие маги у всех вызывали обоснованный трепет.

Осознав, в каком виде ректор застал меня, рывком села и, натягивая свитер, попыталась хоть как-то скрыть свой неприглядный вид. Лишь после осмотрелась. Трой и его дружки без движений лежали на полу возле стола. Пока я озиралась, профессор Остгорд поднял мои брюки и отдал мне, а затем тактично отвернулся. Одевшись, встала и поискала туфли. Услышав меня, ректор обернулся и подал мою обувь. Очевидно, он все это время держал её.

Приведя себя в порядок, я в растерянности замерла. Поверить в произошедшее было трудно, а в то, что мне удалось избежать самого ужасного, ещё сложнее.

– В мой кабинет, – коротко указал профессор Остгорд.

Вопросов задавать я не стала, только кивнула и, стараясь не смотреть на лежавших парней, прошла к выходу. Уже у двери услышала:

– А теперь поговорим с вами...

Связных мыслей в голосе не было, я просто шла, ведомая указанием ректора.

Кажется, кто-то обращался ко мне, но не уверена в этом. В любом случае говорить ни с кем не хотелось.

Остановилась я лишь в приёмной кабинета. Госпожа Аппель, несмотря на вечернее время, находилась на месте. На меня она не обратила никакого внимания.

Расхаживая от фонтанчика к фонтанчику, я пыталась унять внезапно возникшую дрожь в теле. Не хватало ещё прямо в приёмной забиться в истерику. Вообще, поразительная штука – эти эмоции: от совершенного спокойствия до полной неуправляемости сменяются за считанные мгновения.

Случиться сырости не дал пришедший ректор. Не глядя на меня, он проговорил:

– Хиония, в кабинет. Госпожа Аппель, успокаивающего отвара, пожалуйста.

Открыв дверь, профессор Остгорд дождался меня и пропустил вперёд.

Кабинет оказался огромным. Справа стоял большой стол, видимо, для переговоров или иных подобных целей, окружённый креслами. Напротив входа, перекрывая собой практически всю стену, располагался книжный шкаф, половина его створок была непрозрачной. За стеклом же виднелись довольно потрёпанные книги и множество записывающих пластинок. Также я заметила несколько статуэток разнообразных форм.

Слева у окна находился массивный рабочий стол ректора, его кресло, немало похожее на трон, и два мягких стула для посетителей.

Бесшумно пройдя к своему месту, господин Остгорд устало уселся.

– Присаживайся, Хиония, – он указал на один из стульев. Дрожь все ещё не отпустила меня. Если ректор и заметил это, то вида не подал.

Коротко постучав, в кабинет зашла госпожа Аппель. Она не сказала ни слова, просто вопросительно посмотрела на профессора Остгорда. Тот просто кивнул на меня. Секретарь все так же, молча, поставила передо мной кружку и удалилась. Дверь она прикрыла неплотно, и потому та стала медленно отворяться. Ректор захлопнул её взмахом руки. Этот жест показался мне очень знакомым, но в исполнении другого человека.

– Пей. Тебе стоит успокоиться, – мягко проговорил ректор.

Спорить не пыталась. Трясущимися руками взяла кружку, в несколько глотков осушила её и поставила обратно.

Внимательный взгляд чёрных глаз заставил напрячься с новой силой.

– Все трое студентов находились под действием нескольких зелий, – без предисловий сообщил господин Остгорд. – Организм Троя ещё не адаптировался к ним, Джард и Лотар целители. Но все они, когда отравы прекратит своё воздей-

ствие, станут сожалеть о совершённом.

Ректор выдержал паузу.

Объяснения показались мне странными. Неужели от этой информации мне должно стать легче?

– Все трое будут отчислены без права восстановления, но не сейчас, – ректор вновь замолчал.

Наверное, он ожидал какой-либо реакции от меня. Но мой голос, казалось, пропал, боясь озвучить все, что творилось на душе.

– Если нападение на тебя станет причиной их отчисления, то они, возможно, будут мстить. Ты понимаешь это?

А я не желала понимать. Мне хотелось справедливости. Хоть раз в этой проклятой жизни!

– Но едва ли это основа моего решения, – продолжил профессор Остгорд. – Недавнее происшествие с твоим... исчезновением изрядно встряхнуло не только академию, но и многие другие структуры. Профессор Лангель должен был тебе рассказать.

Я кивнула и замерла от страха. Неужели меня отчислят?

– Хиония, поверь, я стараюсь облегчить твою участь, но, увы, не всесилен. А если уж быть совсем честным, свои интересы ставлю выше остальных. Началась твоя травля. Да, именно травля. Сегодня это Трой, Джард и Лотар, действующие с чьей-то подачи. Я смог успеть только потому, что сработал маяк, реагирующий на магию. Но что будет завтра?

– И поэтому вы хотите выгнать меня? – решила подать

голос. – Нет жертвы – нет нападений, так?

– Не так, – твёрдо ответил ректор. – Академия не имеет права выдать диплом выпускнику с нестабильным даром, – многозначительный взгляд остановил все мои возражения.

Конечно, руководитель академии знал правду. Но пойти против официальной версии, которую донесли до общества, естественно, не мог, да и вряд ли хотел. Если не я буду виноватой, то он. Выбор-то небольшой. Удивительно, что ректор вообще пытался что-то сделать для меня и объяснял это. Любой другой уже выкинул бы из академии и думать забыл о какой-то бывшей студентке.

– И почему вы позволяете мне продолжать обучение?

– Твоё отчисление лишь откладывалось.

– Почему? – недоумевала я.

– Наиболее безболезненно было бы передать тебя наставнику до конца учебного года.

– Не понимаю, – честно призналась я.

– Такие вещи, как приглашения на встречу избранных не проходят мимо меня, – с лёгкой улыбкой ответил мне.

И в ней я почему-то снова уловила что-то знакомое. Мотнув головой, постаралась сконцентрироваться на словах ректора. Он знал о встрече зельеваров, и, настолько я поняла, ничего не имел против моего присутствия там. Более того, поощрял его. Быть может, и приглашение передал профессор Остгорд? Безумное предположение, но всё-таки?

– И вы знаете, кто добыл это приглашение? – спросила,

надеясь на прямой ответ.

– Кто бы ни поспособствовал этому, у тебя в руках оказался пропуск в успешное будущее. Используй его правильно.

Ректор порылся в ящике стола, достал оттуда лист и передал его мне вместе с ручкой.

– Пиши по собственному желанию. Причина – переход в обучение к наставнику. Дата – второе мая. Если на встрече зельеваров ты не сможешь завести нужных знакомств, то в силу вступит приказ об отчислении, уже подписанный мной.

– Без вариантов? – зачем-то уточнила я.

– Почему же, – ректор позволил себе усмешку, – глушь примет всех. И там ты можешь стать почётной травницей. Но не думаю, что девушка из столицы захочет такого будущего. Проще выйти замуж, оставить зельеварение и возложить все заботы на мужа...

– Продиктуйте, пожалуйста, текст заявления, – перебила я его.

Мысль о замужестве, как альтернативе учёбе, возмутила. Да что там, остервенела до крайности. Настолько, что первые два листа прорвались под давлением моей руки на пишущий предмет.

Профессор Остгورد терпеливо подал мне следующий лист и встал с кресла. От неожиданного прикосновения чужой ладони до моего плеча я вздрогнула.

– Тебе следует успокоиться, – проговорил ректор и легонько сжал плечо.

Страх против воли ввёл в оцепенение.

– Пожалуйста, не трогайте меня, – еле слышно выдавила из себя.

Рука тут же была убрана. Я оставалась неподвижна, пока ректор не вернулся на место. Он никак не пояснил свои действия, но лицо его стало напряжённым. И от этого ещё более устрашающим.

Поспешила дописать заявление – оставаться в кабинете дольше не хотелось. Профессор Остгорд, не глядя, взял его и тут же положил в ящик стола. Я же замерла, стоя перед столом и думая, спросить ли разрешения идти.

Казалось, что сознанием ректор где-то далеко, и собственные размышления ему совсем не нравятся.

А я чем больше смотрела на его лицо, тем явственней различала в нём знакомые черты. Догадка настолько ошеломила меня, что быть правдой просто не могла. Наверное, не стоило её проверять, но жить в неведении намного хуже.

– Профессор Остгорд, вы от природы блондин?

– От природы я седой, как можешь видеть, – ответил он, скорее, не задумываясь.

Но затем спохватился и вперился в меня взглядом.

– Для чего ты спрашиваешь, Хиония? – медленно, разделяя слова паузами, спросил ректор.

– Ну, мне скоро придётся покинуть академию, вот и решила напоследок поинтересоваться, – как можно более непринуждённо ответила ему.

Да уж, с учётом того, что со мной произошло, и какие новости были преподнесены, подобное поведение явно выглядело странно. Но, к счастью, ректор поверил или же сделал только вид.

Себя же он выдал. Теперь я точно знала, что похититель – родственник ректора, скорее всего, сын. Тогда мотивы действий профессора Остгорда по избавлению академии от моего пребывания ещё более прозрачны.

Коротко попрощавшись, я практически выскочила из кабинета, а затем и из приёмной.

Бежать! Бежать надо из этого проклятого места! Почему я не выбрала академию поскромнее, в одной из провинций? Почему именно Эльпида? Выполняла указания брата? Чушь! Я стала свободной сразу, как только села в чужую повозку. С тех пор сама решала, как мне жить дальше, но почему-то держалась наставлений брата...

На улице уже стемнело и заметно посвежело. Почти бегом я направилась в общежитие. Постоянно оглядывалась, так как мне чудились шаги за спиной.

В комнату я практически ввалилась. Исмина удивлённо посмотрела на меня, но ничего не сказала. Тем лучше. Схватив полотенце, я тут же отправилась в душ. И уже там, сидя под струями горячей воды, дала волю эмоциям, выплёскивая из себя переживания слезами.

Говорят, что ими мало поможешь. Но я знала – это не так. После них наступало опустошение, когда всякая проблема

казалась гораздо меньше, нежели раньше.

Успокоившись, я ещё некоторое время просто наслаждалась водой и только потом вернулась в комнату. Исмина молча бросила мне конверт. Но я лишь коротко взглянула на него и прошла к шкафу. Часть моих вещей так и оставалась у Грегори, и нужно было забрать их до первого мая. Соседка отобрала туда лучшее из того, что у меня было, а на встрече зельеваров я должна произвести самое благоприятное впечатление. В конце концов, следовало уже разобраться с женихом, не избегать наших встреч и выяснить все вопросы без изворотов.

Возможность увидеться с Грегори представилась только накануне моего последнего дня пребывания в академии. Я не была занята. Просто боялась ходить одна куда-либо. Занятия, столовая, общежитие – везде я старалась находиться в гуще людей. Конечно, будь у меня возможность, променяла бы такое времяпрепровождение на одиночество, а ещё лучше – на одиночество в лаборатории. Только там я чувствовала покой и гармонию с собой. И, возможно, мне только показалось, но мои способности возросли: травы звучали чётче и громче, новые ингредиенты требовали меньше времени на их запоминание, а неизвестные, ещё не опробованные, словно подсказывали, как они подействуют.

Я ни с кем не делилась этим открытием. Да и кому бы я рассказала? Исмине, всё больше занятой своими сердечны-

ми делами? Вряд ли она бы просто услышала меня. Да и единолично объявленный бойкот соседка не отменяла.

Последнее послание от Грегори, переданное через подругу, содержало пустые заверения в его любви. Пустые, потому что ничего не дрогнуло во мне при чтении этих строк. Я очерствела, или слова потеряли волшебство? Было сложно ответить на этот вопрос. Рассудив, что не стоит принимать заочных решений, без личного общения с женихом, постаралась не думать о нём.

Но все же этот час настал. Либо мы обсудим наше совместное будущее, либо совсем исключим его. Категорично. Но, признаться, я не была уверена в твёрдости этого решения, надеясь, что Грегори заверит меня в непоколебимости его любви, не оставив и капли сомнений.

Больше всего хотелось увидеть жениха, кинуться ему на грудь и слышать слова успокоения, что все будет хорошо, он не оставит меня и поддержит в любом начинании. Многого ли я желала? Хотя не так. Осуществимо ли моё желание?

С момента прошлого визита минуло немного времени, но пространство вокруг дома Грегори преобразилось. Яблони только-только вошли в цветение, но уже радовали своей красотой. Я даже приостановилась у калитки, чтобы рассмотреть это великолепие. В тот миг мне безумно захотелось стать хозяйкой такого замечательного места. Мысль одновременно порадовала и смутила.

Протарахтевшая за спиной повозка вернула размышления

в нужное русло. Со вздохом я прошла дальше. Стук в парадную дверь, как и предупреждал мой жених, не дал результата. Возможно, несмотря на выходной день, никого не было дома. Можно было снять часть средств, оставленных дедушкой, как я делала это ранее, и на них приобрести новый костюм, но практичность заставила меня поступить иначе. Свернув на почти неприметную тропинку, с намереньем зайти через кухню. Её дверь была открыта настежь. На всякий случай проверила серьги и браслет – на месте. С ними я чувствовала себя уверенней.

Кухня оказалась пуста. И этот факт порадовал. Встречаться с тётёй Мёрли совсем не хотелось. Из-за чуть приоткрытой двери, ведущей в дом, доносились какие-то звуки. Разобрать точно не удалось, но кто-то там был точно. Я лишь надеялась, что найду Грегори, а не его отца или кухарку. Хотя забрать свои вещи смогла бы и с ними. Вот только боялась потерять нужный настрой для судьбоносного разговора с женихом.

Выйдя в широкий коридор, я пересекла его и оказалась в гостиной, по-мужски аскетичной. Диван, два кресла и столик между ними стояли по центру помещения. Все в спокойных, пастельных цветах. Создавалось ощущение, что никто не жил в этом доме. Даже полка над вычищенным каминном была пуста. Разве что шеффлера и изумрудное дерево немного освежали обстановку.

Голоса и грохот слышались из-за дверей справа. Приглу-

шённо, но в том, что там происходила ссора, не возникало сомнений. Очевидно, мой визит совсем не вовремя. Уже развернулась, чтобы уйти, как со стороны кухни донёлся голос, звавший Грегори.

Мне казалось, за эти дни я привыкла к постоянному напряжению. Но к такому была просто не готова. Наверное, меня все же проклинали ещё до рождения.

– Грегори, ты где? – приближаясь к гостиной, спрашивал мой похититель.

Да, это был именно его голос.

Но зачем этот человек пришёл к моему жениху?

Неконтролируемый страх заставил запаниковать.

Правильней было бы преодолеть уже ненужное смущение и войти в двери, потревожив ссорящихся. Но эта мысль пришла только после того, как я малодушно забежала за диван и скрылась за его спинкой.

Когда раздались тихие шаги, затаила дыхание, боясь выдать себя. Мужчина ко всему ещё и остановился на полушаге.

Внезапно о закрытые двери с обратной стороны что-то разбилось.

Похититель хмыкнул, и слышались возобновившиеся шаги.

Ещё сильнее вжалась в спинку дивана. Стук собственного сердца оглушал. И я даже не могла понять, чего именно боялась: того, что меня обнаружат или самого присутствия

похитителя в доме жениха.

– И запомни мои слова! – неожиданно прокричала тётя Мёрли.

Момент, когда двери открылись, и она вышла в гостиную, я пропустила.

– Заткнись! – ответил ей Грегори странным надрывным голосом. – Ты такая же тварь, как и все остальные! Лучше за дочерью следи.

– Не смей, – прошипела не хуже змеи.

– Иначе что? – с вызовом спросил мой жених.

– Простите, что вмешиваюсь, – встрял посетитель, видимо, до сих пор не замеченный. – Но мне срочно нужно поговорить с Грегори.

– Кто там?

– Он пьян, Орест. Несколько дней не просыхает.

Я прикрыла рот рукой, чтобы сдержать вскрик. Они знали друг друга! Более того, похоже, поддерживали довольно дружеские отношения.

Как же я сразу не обратила внимание на то, что Орест звал Грегори по имени? Да и о входе через кухню вряд ли сообщалось каждому.

Но что все это значило? Моё похищение случилось из-за жениха?

– Но все же я попытаюсь, – настаивал посетитель.

Звук чего-то падающего, тяжёлые шаги, протяжный скрип двери, будто на ней повисли.

– А, это ты, – протянул Грегори. – Выпьём?

– Тётя Мёрли, оставьте нас, – мягко попросил Орест.

– Да, проваливай отсюда совсем! – нагрубил ей мой жених.

Никогда не думала, что он мог быть таким. И узнавание не приносило мне радости.

Кухарка, хотя уверенности в её статусе у меня уже не было, больше ничего не сказала, лишь вздохнула и покинула комнату.

– Если тебе тоже нужны деньги, то ты опоздал, – сообщил Грегори. – Я в немилости у отца.

– Ему уже донесли? – напряжённым голосом спросил Орест.

– Не знаю, о чём ты. Пойдём, присядем.

– Мне кажется, тебе уже хватит. И я пришёл не просто так.

– Хорошо. Но мне нужно сесть.

– Конечно.

Я боялась, что они останутся в гостинной. Хотя все равно оказалась в ловушке. Вряд ли у меня получилось бы выйти из дома так же незаметно, как и войти. И, признаться, сил подняться не было вовсе.

Почему Грегори и Орест ведут себя, как давние друзья? Неужели жених даже не подозревал, что его приятель преступник?

Голоса удалились, но все же слышались отчётливо. Рискнув выглянуть из своего убежища, я увидела неприкрытые

двери, ведущие в столовую. Её пол был усыпан мелкими осколками посуды и немного забрызган. Скрип отодвигаемых стульев, пройдя ножом по нервам, испугал меня и заставил скрыться.

Прижавшись к спинке дивана, я пыталась придумать выход. Вариант дожидаться, когда уйдёт Орест, и после этого поговорить с женихом, даже не рассматривала. Судя по устроенному им погрому, Грегори точно не расположен к выяснению отношений.

– Почему здесь? – услышала я.

От неожиданности не сразу поняла не только вопроса, но и к кому он обращён.

– Я пью только за столом, – отозвался Грегори. – Привычка.

Звук наполняемых бокалов. Лёгкий звон. Стук приборов. И ни одного слова вслух.

Пришла мысль, что моё присутствие обнаружено, а эти двое только и ждут, когда я выдам себя.

– Такое вино испортил из-за этой твари, – посетовал Грегори.

– Ты не справедлив к тётке Мёрли.

– Тётке... Все они – бабы, с одним расчётом в голове! Будто я не знаю, что она свою порченную дочку пристроить желает. Нашла глупца. Но как играет! Такая заботливая, понимающая и любящая, аж противно становится.

Снова воцарилось молчание.

– Отец все знает, – обречённым голосом сообщил Орест.

– Что знает?

– О твоей невесте.

Я напряглась и задержала дыхания, чтобы не пропустить ни слова.

Грегори выругался. Раздался звук разбивающегося стекла.

– Как же не вовремя, – с неопределённой горечью отозвался мой жених.

– Не вовремя? Зачем ты организовал её изнасилование на территории академии? В своём уме был, когда придумал это? Неужели рассчитывал, что отец так просто спустит это? Твоя одержимость подложить собственную невесту под другого перешла все границы! – прокричал Орест.

Что-то упало. Скорее всего, это был стул. Затем раздались шаги и хруст под ними.

– Ты подставил меня, – уже более спокойно.

– Не сильно-то ты сопротивлялся, – возразил Грегори, игнорируя вопросы.

– Поверил тебе. Как ты там говорил? Продержать пару дней и предложить сделку? Никто не станет её искать? Она совершенно беззащитна? – с каждым словом голос Орест повышался.

– Сядь и не мелькай перед глазами. Выпей лучше, ты слишком нервный, – раздражённо проговорил Грегори.

От осознания смысла услышанных слов у меня потемне-

ло перед глазами. Мой жених... возлюбленный... он во всём виноват!

– Я не виноват! – внезапный ответ, будто мои мысли были подслушаны.

– Слышал уже, – недовольно проговорил Орест. – Я виновен в том, что чуть не сдох. Демис виновен в том, что поднял шум. Исмина виновна в том, что не остановила Демиса. Наверное, кто-то ещё виновен. Один ты не виноват.

Снова плеск и звон. Страх во мне сменялся злостью. Почему Грегори так поступил со мной? За что?!

– Она слишком идеальна, – прозвучало обречённо, словно это самый ужасный порок в мире.

Орест рассмеялся.

– Плесни-ка мне ещё. Я, наверное, слишком трезв, чтобы понять тебя?

По моим щекам побежали горячие неконтролируемые слёзы. Только желание вызнать большее удерживало меня на месте.

– Она слишком идеальна, – приглушённо повторил Грегори.

– Знаешь, в прошлый раз я удержался от вопросов только под впечатлением предложенной суммы. Хотя предполагал, что ты хотел наказать девушку таким странным образом или же избавиться от невесты, имея весомые причины к этому. Но теперь меня гложут сомнения. Чего ты добиваешься?

Послышались громкие глотки, а затем снова звон разби-

вающегося стекла.

– Ты никогда этого не поймёшь! – внезапно крикнул Григори. – Пока это проклятие не накроет тебя, ты ничего не поймёшь!

– И всё-таки? Мне снова придётся покинуть Эльпиду, но теперь уже по настоянию отца. И трёх месяцев здесь не пробыл! Вот так показал отцу, что отлично без него справляюсь! Справился. Только благодаря тому, что историю предпочли замять, нам не грозит каторга или темница. Иначе никакие отцы не помогли бы.

– Мой тоже высылает меня из столицы. Неожиданно он решил проверить счета и, естественно, обнаружил огромные траты. Теперь считает, что я промотал все на шлюх. Знал бы он...

– Узнает. Мой просто так это не оставит и доложит генералу в ближайшие дни. Странно, что до сих не рассказал. Наверное, решил проверить, пообщавшись со мной. Проклятье! Я снова повёлся, как мальчишка!

– Откуда он, вообще, узнал?

– Проверил ментальный след на Хионии после того, как спас её от изнасилования. А потом просто соотнёс детали. Она запомнила меня весьма детально, и описание не только записано на пластине, но и воссоздано иллюзионистом управления. Отец сразу отметил схожесть, но ничего не предпринимал, пока не стащил тех троих с твоей невесты. Знаешь, они ведь успели её раздеть, а она уже не сопротив-

лялась...

– Заткнись! Я не хочу этого знать!

– Ты же этого добивался, не так ли? Сломать? Подчинить? Или я ошибаюсь? Ты так и не ответил мне.

– Ты когда-нибудь был зависим, Орест? Не просто от чье-то одобрения, а так, что не мог бы иметь собственных мыслей? Не был, сам знаю. А я вот стал. Стал с того самого мгновения, как заглянул в её глаза, – последние слова Грегори проговорил очень тихо, я еле разобрала их. – В тот вечер мы с сослуживцами решили прогуляться по набережной. Джил предложил познакомиться со студентками. Ты же знаешь, я, вообще, всех этих магичек не люблю, но все равно согласился. Естественно, мы оба были очарованы Исминой, приняв Хионию за её младшую сестру.

Как же неприятно было все это слушать! Да все слова и обвинения собственной семьи ничто, по сравнению с тем обманом, что мне открылся. Неимоверными усилиями я сдержала ком рыданий, подступивший к горлу. Больно! Очень больно.

– И чтобы произвести впечатление на Исмину, вместе с Джилом погнался за воришкой, который вырвал ридикюль у Хионии, – продолжал Грегори. – Но потом, когда я вернул сумочку, Она с такой благодарностью посмотрела на меня... Это невозможно выразить словами. Я просто пропал. Проклятье, Орест, ты не сумеешь понять меня!

– Мне кажется, так проявляется любовь, – с явной на-

смешкой протянул приятель Грегори.

– Любовь... Я, как сумасшедший, искал с ней встреч, изворачивался, чтобы добиться следующего свидания. Боялся дышать в её присутствии, опасался любого неверного движения. Но потом она пропала. Прекратила выходить из академии. Я места себе не находил, не понимая, что мог сделать не так. И ничего не давало забыть её. И это продолжалось три месяца. Ты можешь себе представить? Три проклятых месяца!

– А потом она вышла?

– Нет, – протянул Грегори.

Голос у него стал развязно-пьяным, каким бывал у тех, кто явно перебирал с алкоголем.

– Я встретил Исмину. Эта шлюха попыталась взять меня в оборот. Но я даже пользоваться ею не стал. Видел бы ты тогда лицо этой дряни, когда я пригласил её в дом и, написав письмо Хионии, велел передать его, вместо того, чтобы завалить её, ноги-то она уже профессионально подраздвинула.

Раздался слаженный смех.

Ещё и Исмина... Но это открытие уже ничем не отозвалось во мне. На самом деле, я всегда знала, что она первая, кто предаст. Но такого не ожидала. Наверное, не дано мне избавиться от привычки искать в людях лучшее и придумать им оправдание.

– Когда я понял, что не могу без Хионии, то решился на предложение. Или она скажет «да», или... да такого вариан-

та, вообще, не допускал.

– Я так понимаю, она согласилась? – подогнал Орест.

– Согласилась. В общем сложности прошёл где-то год с нашей первой встречи. Но только в тот день я поцеловал Хионию.

– Впервые?

– Да, – глухо отозвался Грегори. – Ты можешь представить это?

– С трудом, – отозвался Орест.

– Я ещё больше удивлю. С того самого дня я отказался от женщин. Вообще.

– Да ты шутишь!

– Не шучу. Меня воротит от них. Такое чувство, что я испачкаюсь, дотронувшись до кого-либо, кроме Они.

– Это, и правда, очень похоже на проклятие, – с сочувствием согласился Орест.

– Я обращался к ведьмам, – признался Грегори. – И не смотри на меня так! Да, я их ненавижу, но что мне оставалось делать? Я соглашался с каждым словом Хионии, откладывал свадьбу по её настоянию, мирился с её увлечённостью учёбой, мы даже имена детям выбрали.

– А делать не начали их? – хохотнул Орест.

– Она не позволяла заходить дальше поцелуев, – не обращая внимания на тон друга, ответил мой жених.

А жених ли?

С остервенением я сорвала с себя серьги, чуть не поранив

мочки, и стянула браслет. Сначала хотела их отбросить по-
дальше, но голос Грегори остановил меня.

– Понимаешь, одно её слово, и я готов прыгать перед ней.
Не могу с ней спорить. Вот такая у меня зависимость.

– Ты безумен, – заключил Орест. – Проклятье! Я ведь не
предполагал, что она невинна! Ты представляешь, что твоё
наказание могло сотворить с ней?

– Это не наказание. Она слишком идеальна, а я пытался
это исправить.

– Объяснись, – потребовал Орест. – Она не предаёт тебя,
не заставляет идти на безумные поступки и, насколько я по-
нимаю, не ищет выгоды в тебе. Так, чем же ты недоволен?
Любой бы многое отдал за такую девушку!

– Любовь – это всегда испытание, – невнятно пробормо-
тал Грегори. – Я не хочу повторять судьбу отца.

Они замолчали.

А я сидела, силясь понять услышанное откровение.

Меня никогда никто не любил. До Грегори. А он, открыв
это в себе, наказал за свои чувства, хоть и отрицал это. Или
испытывал мои?

Не важно. Он своим капризом разрушил моё будущее.
Сделал больно. Предал. И не собирался останавливаться.
Простить за это, делая вид, что ничего не случилось, я не
могла. Пусть мне часто приходилось смиряться с обстоятель-
ствами, но это не тот случай.

Разжав ладонь с украшениями, я взглянула на них. Кра-

сивые и бездушные, как и их хозяин. Вытерла лицо рукавами, а затем встала.

Чего во мне было больше – злости, отчаяния или разочарования – сложно судить. Скорее всего, все вместе. Но страх изгнало полностью.

Быстро дойдя до открытых дверей, я увидела сидящих за столом Грегори и Ореста, тех, кто разрушил все мои планы. Они не сразу заметили меня. Я к этому и не стремилась. Устраивать демонстрацию своих чувств не собиралась. Те, кто топчется по ним, никогда не оценят их проявление. Я хотела лишь покоя, чтобы все это скорее закончилось. Кому, как не мне, знать, что после бури наступала тишина. Так было всегда. И не только у меня.

Я не переступала порога столовой. Просто замерла, рассматривая пьяного жениха. Бывшего жениха. И в тот момент, когда он обратил на меня взгляд, бросила серьги и браслет в его сторону. А после развернулась и побежала к выходу.

Позади послышался грохот, ругательства и слова Ореста: – Оставь. Слушать сейчас не станет.

Непреодолимо хотелось вернуться и, наплевав на здравые мысли, высказать им обоим все, что скопилось на душе. Если бы это помогло...

Но ещё сильнее я желала просто свернуться где-нибудь клубочком и сдохнуть.

Проскочив мимо кухарки, вырвалась на улицу, где тут же

поспешила покинуть территорию дома Грегори. Повозку нашла практически сразу.

До академии я сдерживала себя, как могла, чтобы не рыдаться.

Но в голове то и дело прокручивала услышанный разговор, сопоставляя рассказ Грегори с событиями наших отношений. Самоистязанием ли это было или попытками оправдать бывшего жениха? Скорее, невозможностью быстрого избавления от боли, когда пытаешься понять, где совершил ошибку, и как её исправить. Но, увы, ни ошибок, ни выхода я не находила. Лишь боль, боль и боль.

На воротах я столкнулась с Демисом. Сначала он прошёл мимо, но затем незаметно приблизился ко мне и, схватив за плечи, вынудил посмотреть на него.

– Что случилось? – тревога была неподдельной.

– Ничего, – попыталась отговориться, но голос дрогнул.

Впрочем, я дрожала уже вся и не могла этого остановить.

– Что случилось? – громче и требовательней спросил он.

– Это он, – прошептала я, – Грегори, – а затем не выдержала и рыдалась, так и стоя удерживаемой за вздрагивающие плечи Демисом.

Со вздохом он отпустил меня. Не нужно было откровенничать. Ведь Демис больше не мой друг. Хотя оставайся он им, все равно делиться свои переживания было глупо.

Ещё сильнее опустив голову, я попыталась обойти его. Но он перехватил меня и прижал к себе.

– Без меня, – крикнул Демис в сторону.

– Не стоит, – пропищала в его грудь. – Не откладывай свои планы.

Я попыталась отстраниться, но он только сильнее прижал моё тело.

– Не командуй, мелкая. Пойдём.

Развернув меня, Демис продолжал удерживать за плечи, будто боялся, что я сбегу, и задал направление.

Мой взгляд был обращён под ноги, которые никак не хотели избавляться от дрожи. И, признаться, кроме них, я ничего не замечала. Было не важно, куда Демис вёл меня. Даже издевательски подумала, что если и друг решит воспользоваться моим тщедушным телом, то сопротивляться не стану. Мысль неожиданно позабавила, до смеха, который я не смогла сдержать.

– Веселишься, мелкая? – не сбавляя шага, спросил Демис. – Веселись. Все лучше, чем выжимать себя.

Он пытался говорить непринуждённо, но голос выдавал напряжение.

А я всё больше поддавалась какому-то безумию, придумывая ещё более сумасшедшие идеи. Иначе я бы никогда не произнесла:

– Он сказал, я идеальна, потому что никогда не была с мужчиной. Демис, будь моим первым.

Друг резко остановился и посмотрел на меня странным взглядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.